

На правах рукописи

Морозова Ольга Николаевна

**ПАРАДИГМАТИКА И СИНТАГМАТИКА ЗВУКОВЫХ СИСТЕМ
ТУНГУССКИХ ЯЗЫКОВ ВЕРХНЕГО ПРИАМУРЬЯ
(на материале эвенкийского и ороchonского языков)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание

Новосибирск – 2021

Работа выполнена на кафедре иностранных языков Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет».

Официальные оппоненты:

научный руководитель Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор **Хисамитдинова Фирдаус Гильмитдиновна**;

профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Восточного института – Школы региональных и международных исследований Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Дальневосточный федеральный университет», доктор филологических наук **Завьялова Виктория Львовна**;

ведущий научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института востоковедения Российской академии наук, доктор филологических наук **Рудницкая Елена Леонидовна**.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук (г. Якутск).

Защита состоится 26 ноября 2021 г. в 14:00 на заседании Диссертационного совета Д 003.040.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора филологических наук по специальности 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание при Федеральном государственном бюджетном учреждении науки Институте филологии Сибирского отделения Российской академии наук по адресу: 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8. Тел. (383) 330 84 69, факс (383) 330 15 18, e-mail: dissovets_d_003.040.01@mail.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории Сибирского отделения Российской академии наук (г. Новосибирск, ул. Николаева, д. 8). Полный текст диссертации доступен по адресу: https://www.philology.nsc.ru/dissovet/2021_defence.php.

Автореферат разослан «__» августа 2021 г.

Ученый секретарь диссертационного совета,
кандидат филологических наук _____

О. Ю. Шагдурова

Общая характеристика работы

Актуальность темы. Реферируемое диссертационное исследование посвящено основным проблемам звуковых систем исчезающих тунгусо-маньчжурских языков Верхнего Приамурья (эвенкийского и орочонского). Имеющиеся концептуальные положения и накопленный тунгусоведами экспериментальный материал демонстрируют существенные расхождения в решении спорных вопросов теории вариативности и вариантности языков эвенков России и орочонов Китая, их сегментной фонетики и акцентологии. Кроме того, целый ряд важнейших аспектов, относящихся, в частности, к эвенкийской и орочонской интонологии, по-прежнему остаются неизученными либо изученными фрагментарно. Исследование и описание звукового строя тунгусских языков Верхнего Приамурья через их системное сопоставление с другими родственными и неродственными языками, определение принципов их структурно-таксономической классификации, специфики артикуляционно-акустической базы становится чрезвычайно актуальной задачей в ситуации значительной ассимиляции под давлением доминирующих языков и вытеснения этнических языков из всех сфер функционирования, включая семейно-бытовую коммуникацию.

Степень разработанности проблемы. Анализу звуковой структуры северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков посвящено немало исследований. Это известные работы В. А. Горцевской [1936]; А. А. Горцевского [1939]; Г. М. Василевич [1940, 1948, 1958]; В. И. Цинциус [1947, 1949]; О. А. Константиновой, Е. П. Лебедевой [1953]; В. Д. Колесниковой [1954]; М. И. Матусевич [1960, 1979]; О. А. Константиновой [1964]; А. В. Романовой, А. Н. Мыреевой [1962, 1964]; М. Д. Симонова [1976]; Г. В. Гулимовой [1982]; Ц. Ху [1986]; Н. Я. Булатовой [1987, 1999, 2002, 2013, 2015, 2018]; Т. Е. Андреевой [1988, 2001]; J. Janhunen [1989, 1991]; N. Ya. Bulatova, L. Grenoble [1999]; L. J. Whaley, L. A. Grenoble, F. Li [1999]; Ю. Хань, Ш. Мэн [1993, 2013, 2014, 2019]; Б. В. Болдырева [2000]; А. А. Бурькина [2000, 2001, 2004]; Е. Ф. Афанасьевой [2000, 2010]; Л. М. Захарова, О. А. Казакевич [2007]; J. Kim [2011]; И. Я. Селютиной, Н. С. Уртегешева, А. А. Добрининой [2014]; С. И. Шариной [2015]; N. Aralova [2015]; А. В. Дыбо [2018]; S. Oskolskaya [2020]; В. Pakendorf, N. Aralova [2020] и др. Однако среди перечисленных работ экспериментально-фонетических исследований, выполненных с помощью фонетических аналоговых приборов или компьютерных программ, на материале эвенкийского языка немного (М. И. Матусевич [1960]; М. Д. Симонов [1976]; Г. В. Гулимова [1982]; Т. Е. Андреева [1988, 2001]; И. Я. Селютина, Н. С. Уртегешев, А. А. Добринина [2014]). Фонетика орочонского языка экспериментальными мето-

диками не исследовалась. До сих пор не проведено комплексного изучения интонации тунгусских языков. По акцентно-ритмической организации имеется единственная работа на материале эвенкийского языка Т. Е. Андреевой [2001]. В свете сказанного сопоставительное рассмотрение эвенкийского и ороchonского языков на уровне их фонологической структуры и реализации с помощью современных методик обработки звукового сигнала определяет совершенно новое по своей актуальности место данной работы среди исследований, похожих по проблематике. Типологическое изучение северной ветви тунгусских языков не исчерпало своих возможностей и, по причине фрагментарности исследований типологических характеристик сегментных и супraseгментных средств, остается в центре внимания современного языкознания.

Методологической базой исследования послужили положения:

1) о тесной связи четырех аспектов в фонетике: артикуляционного, акустического, перцептивного и функционального, отношения между которыми неоднозначны [Щерба 1974; Зиндер 1979; Бондарко 1981];

2) об артикуляционно-акустической базе как о системе произносительных (артикуляторных) навыков в совокупности с их акустическими эффектами [Наделяев 1986; Селютина 2008];

3) об артикуляционно-акустической базе как о надежном и информативном историко-лингвистическом источнике при реконструкции древнейших этногенетических процессов [Селютина 2000; Широбокова 2001];

4) о сегментации речевого потока на звуки – реализации фонем, которая условна и подчиняется ряду правил [Скрелин 1999]; слуховом контроле как обязательном элементе экспериментально-фонетического исследования [Уртегешев 2020];

5) о критериях определения фонологического статуса сегментных единиц и состава фонем на основании полного типа произнесения, фонологически сильной позиции, линейной делимости / неделимости, морфологической членимости / нечленимости, участия в чередованиях, противопоставлениях фонем друг другу [Зиндер 1979; Наделяев 1980; Бондарко 1981; Ladefoged, Maddieson 1996; Гордина 1997; Селютина 2008; Раднаева 2016];

6) о корреляции частотности языковых единиц и процессов порождения и восприятия речи [Howes, Solomon 1951; Herdan 1958; Куркина 1980; Селютина 1982; Кыштымova 1987; Радченко 1988; Тамбовцев 1985, 1986, 2008, 2010, 2012; Залевская 1990; Чугаева 2009; Вахотин 2014; Мякотникова 2016];

7) о сингармонизме как морфонологическом явлении, состоящем в единообразном вокалическом и / или консонантном оформлении слова [Василевич 1948; Цинциус 1949; Богородицкий 1953; Суник 1957; Бодуэн де Куртенэ 1963; Черкасский 1965; Реформатский 1966; Виноградов 1966;

Щербак 1970; Кононов 1976; Касевич 1986; Трубецкой 1987; Поливанов 1991; Тенишев 1997; Aralova 2015];

8) о языковой вариативности, вариантности и варьировании, системе и языковой норме, кодификации [Мельников 1967; Солнцев 1977; Бондарко 1981; Вербицкая 1996; Гордина 1997; Алиева 2006; McGregor 2009; Косериу 2010; Военкова 2010; Yavaş 2016];

9) о языковой дивергенции, изучение которой позволяет восстановить параметры контактной ситуации в прошлом и спрогнозировать языковые изменения в будущем (Czekanowski 1932; Поливанов 1968, 1991; Виноградов 2000; Журавлев 2000; Ikegami 2001; Трубачев 2004; Певнов 2018; Соболев 2018; Кисилиер 2018; Козак 2018; Конер 2018; Макарова 2018; Морозова 2018; Русаков 2018];

10) о диалектном континууме, диасистеме (плюрицентричном языке), языковом кластере как о понятии языковой систематики, входящем в четырехчленную шкалу нижних уровней (язык-наречие-диалект-говор) [Василевич 1948; Цинциус 1949; Булатова 1987; Janhunen 1996; Whaley, Grenoble, Li 1999; Ikegami 2001; Певнов 2018].

В диссертационной работе применялись следующие **методы** исследования: метод теоретического анализа для выявления спорных, противоречивых вопросов тунгусской фонологии, для формулирования гипотезы исследования, лингвистической интерпретации экспериментальных данных; метод акустического анализа речевого сигнала для изучения фонетических коррелятов сегментных и супraseгментных единиц изучаемых языков; метод типологического сопоставления для выявления сходных и различных черт, характеризующих звуковые системы сравниваемых эвенкийского и ороchonского языков; статистическая обработка экспериментальных данных проведена стандартными методиками описательной статистики: простой количественный подсчет, вычисление средних и отнесенных значений, определение квартилей.

Положения, выносимые на защиту:

1. Эвенкийский и ороchonский языки входят в группу вокалических языков мира в силу парадигматического и синтагматического преобладания вокалических звуков (гласные + сонорные согласные) над шумными согласными. Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных ороchonского и эвенкийского языков максимально близки по нескольким параметрам: 1) ведущей слоговой структуре (открытый слог); 2) преобладанию двусложных и трехсложных словоформ; 3) коэффициенту консонантной насыщенности (одинаковому с обско-угорскими, более высокому по сравнению с тюркскими языками); 4) равномерному частотному распределению твердоядных, нейтральных и мягкорядных гласных; 5) численному перевесу кратких гласных над долгими, неогубленных над огубленными. Различие между эвенкийским

и ороchonским языками по частотным характеристикам заключается в длине словоформы в фонемах: в ороchonском языке словоформа меньше, чем в эвенкийском, но больше, чем в тюркских языках (например, в ку-мандинском).

2. Парадигматика и синтагматика эвенкийского и ороchonского языков характеризуются сохранностью фонологической оппозиции долгих и кратких гласных. Длительность долгих гласных в целом превышает длительность кратких гласных более чем в два раза. В группе долгих гласных отмечена явная зависимость длительности от подъема гласного: чем более закрытый эвенкийский долгий гласный, тем большей длительностью он обладает. В группе кратких гласных такой зависимости не выявлено: самыми длительными оказываются гласные основного треугольника /i-a-u/. Наименьшей длительностью в обеих группах характеризуются гласные /з:-з/. Сравнение значений длительности гласных в разных позициях в эвенкийском слове дает основание полагать, что в среднем самым долгим гласным является гласный последнего слога (перед паузой) независимо от количества слогов в слове.

3. Признаки шеканья в речи селемджинских эвенков (норская группа) распространяются главным образом на позицию перед заднерядными гласными высокого подъема. В остальных случаях реализуется плоскощелевой аллофон [θ] фонемы /s/, что и создает общий эффект шепелявости. В речи других приамурских эвенков шеканья не обнаружено, но признаки плоскощеливости присутствуют. В ороchonском материале реализации в препозиции к непереднерядным гласным носят преимущественно плоскощелевой характер, а в препозиции к переднерядным – круглощелевой у дикторов-женщин и плоскощелевой – у дикторов-мужчин. Шеканье встречается у ороchonов только в виде свободного варьирования. Свободное варьирование у ороchonов также предполагает звонкие реализации.

4. Жизнеспособность сингармонизма в эвенкийском и ороchonском языках не утрачена и заключается в управлении дистрибуцией твердоядных и мягкорядных гласных, входящих в состав слова, при полном подчинении гласных суффикса гласному корню слова. Для эвенкийского языка Верхнего Приамурья и северо-восточного диалекта ороchonского языка характерен смешанный тип гармонии гласных: палатальная гармония (регулирующая не только дистрибуцию гласных, но и твердых и мягких аллофонов предшествующих согласных в слоге) и лабиальная гармония, реализующаяся для краткой фонемы /o/. Нарушения гармонии гласных, характерные для литературного эвенкийского, устраняются посредством феномена восточного аканья.

5. Неустойчивость в реализации фонологических единиц тунгусских языков имеется на просодическом уровне и напрямую связана с их статусом как языков исчезающих. Если варьирование контура основного тона

тунгусской интонации при сохранении основных направлений мелодической кривой, крутизны ее подъема и падения связано, скорее всего, с индивидуальными дикторскими особенностями (предположительно – разной эмоциональностью дикторов), то разное направление основного тона в специальных вопросах зависит от разного уровня владения языками.

6. Модели интонационных контуров утвердительных, вопросительных и побудительных предложений в эвенкийском и ороchonском языках обладают общими с соседствующими языками чертами. Для интонационных моделей утверждений в изученных языках характерна деκлинация. Типичным интонационным контуром общего и уточняющего вопросов является инκлинация. Для опознания вопросительности в общих вопросах на эвенкийском языке чрезвычайно важно инκлинационное интонирование последнего слога. Для специальных вопросов характерно понижение тона на глаголе.

7. В эвенкийском языке в двух- и трехсловных синтагмах побудительных предложений реализуется восходяще-нисходящее движение основного тона, а в однословных – и простое нисходящее и восходяще-нисходящее. В четырехсложных словах-синтагмах превалирует деκлинация, а в двух- и трехсложных синтагмах оба типа тона реализуются в почти равном количестве. Конечные синтагмы императивных конструкций в изученных языках предполагают только деκлинацию. Порядок слов определяющего влияния не оказывает. И в эвенкийском, и в ороchonском материале каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление. Однако орочоны используют только деκлинацию, а эвенки – еще и инκлинацию и ровный тон при ступенчатом контуре. При реализации побудительных предложений междикторская вариантность у эвенков проявляется больше, чем у орочонов, а внутридикторская вариантность – схожим образом.

Основная **цель** диссертационного исследования заключалась в проведении комплексного анализа и сопоставления звуковых систем эвенкийского и ороchonского языков и их реализаций при использовании современных методов экспериментальной фонетики.

В соответствии с целью работы были поставлены и решены следующие научные **задачи**:

- 1) теоретический анализ звуковых систем эвенкийского и ороchonского языков на основании имеющихся литературных источников;
- 2) изучение проблематики выделения состава фонем и сравнение их парадигматической и синтагматической частотности в эвенкийском и ороchonском языках;
- 3) исследование акустических коррелятов сегментных единиц сравниваемых языков;

4) изучение акцентно-ритмических моделей и их реализаций в исследуемом материале;

5) выявление интонационных моделей в эвенкийском и ороchonском языках;

6) распределение по группам существенных характеристик признаков сегментных и супraseгментных единиц и определение общих закономерностей сравниваемых языков;

7) выявление веса сходных и различных черт, характеризующих звуковые системы сравниваемых эвенкийского и ороchonского языков: веса общих черт в структуре фонологических систем, во взаимоотношении отдельных групп фонем, сходств и различий в акцентно-ритмической структуре и интонационной системе эвенкийского и ороchonского языков.

Научная **новизна** результатов диссертационного исследования заключается в следующем.

1. Впервые в сопоставительном аспекте продемонстрированы акустические корреляты сегментных и супraseгментных единиц эвенкийского и ороchonского языков посредством современных методик обработки звукового сигнала.

2. Впервые проведены перцептивные эксперименты для исследования восприятия акустических коррелятов сегментных единиц, акцентно-ритмической организации эвенкийской словоформы.

3. Впервые вводятся в научный оборот показатели относительной частотности эвенкийских и ороchonских гласных и согласных в корреляции с типом слога, слоговой структурой словоформы, ее длиной (количеством слогов), выводится коэффициент консонантной насыщенности.

4. Впервые осуществлено в сопоставительном аспекте комплексное исследование интонационных систем сравниваемых тунгусских языков.

В качестве **объекта** исследования были взяты звуковые системы эвенкийского и ороchonского языков. **Предметом** исследования выступили парадигматические и синтагматические отношения сегментных и супraseгментных единиц сравниваемых языков.

Гипотеза исследования. Являясь генетически родственными языками и сосуществуя в едином языковом ареале Верхнего Приамурья, левобережный эвенкийский и правобережный ороchonский не совпадают на фонетическом уровне. При этом парадигматические и синтагматические расхождения звуковых соответствий данных языков обусловлены как межязыковыми влияниями, так и историческим скрещением разных говоров тунгусских племен. При доминирующем влиянии русского и якутского языков современный язык эвенков Амурской области с метриками восточных сибилантно-спирантных диалектных групп основан на говорах верхне-амурских, нюкжинских, олекминских, джелтулакских, зейских, селемджинских, тугуро-чумиканских эвенков. Ороchonский язык, находя-

щийся под давлением солонского, дагурского, маньчжурского и китайского языков, в звуковом отношении обладает пестрой картиной составляющих его северо-восточного (кумарченского), юго-восточного (бирарченского), центрального и западного диалектов. В силу миноритарного статуса тунгусских языков Верхнего Приамурья и почти полной утраты функциональных сфер их использования неустойчивость парадигматики и синтагматики фонологических единиц каждого из них будет проявляться на сегментном и просодическом уровнях.

Согласно разработанной **концепции** фонетической дивергенции тунгусских языков Верхнего Приамурья, разные пути развития исчезающих эвенкийского и ороchonского языков детерминированы взаимодействием внутренних лингвистических факторов и внешних лингвистических и экстралингвистических факторов, включающих диалектное разнообразие и давление фонологических систем и моделей их реализации контактирующих с ними языков.

Материалом для диссертационного исследования послужила звучащая речь эвенков России (Амурская область) и ороchonов Китая (провинция Хэйлуцзян и Ороchonский автономный хошун). Основной корпус для акустического и перцептивного анализа составили: 1) изолированные слова в трехкратном произнесении (2600 словоформ; по методикам [Meuer 1903; Щерба 1912, 1974, 2002]); 2) спонтанная монологическая речь: 12 час., 20 дикторов-носителей восточного наречия эвенкийского языка (средний возраст 50–80 лет), 3) записи спонтанной речи (10 час.) и изолированных слов (454 единиц) 20 информантов-орочон, носителей северо-восточного, юго-восточного, центрального и западного диалектов ороchonского языка (средний возраст 60–80 лет), 4) 51 стимул (организованы в 2 блока: 21 и 30 стимулов соответственно), стимулы сегментировались из изолированных слов четырех дикторов-женщин для предъявления аудиторам; 5) реакции двух групп аудиторов-эвенков (по 9 и 10 человек) в возрасте 30–60 лет (всего 489 реакций).

Теоретическая значимость результатов диссертационного исследования состоит в комплексном описании акустических коррелятов сегментных и супraseгментных единиц исчезающих тунгусо-маньчжурских языков при помощи современных методов исследования звуковых систем языка. Полученные фоностатистические показатели, типологические характеристики сегментных и супraseгментных единиц имеют высокую теоретическую значимость для выявления общности и специфики звуковых систем в языках одной семьи, а также для проведения сопоставительно-типологических исследований генетически и типологически различных языков. Полученные экспериментально-фонетические данные могут быть важным историко-лингвистическим источником, вносят определенный вклад в историю языка. Подобное значение языка возрастает там, где

не имеется исторических хроник, летописей, а именно их недостаток испытывают эвенки и ороконы Верхнего Приамурья. Кроме того, работа будет полезна в плане выводов по типологическим ареальным закономерностям и внесет вклад в ареальную типологию, поскольку изучены общие и специфические черты и закономерности языков, бытующих на одной и той же территории – российско-китайской трансграничной зоне северо-востока Азии.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования заключается в возможности использовать полученные данные в работах, направленных на исследование исчезающих тунгусо-маньчжурских языков, поскольку анализ звуковых систем сравниваемых языков в диссертации показал их сопоставляемые черты во взаимной связи и обусловленности. В силу того, что данная диссертация выполнена в области отдельного уровня языка – фонологического – она примыкает и вносит определенный вклад в исследования, которые составляют так называемую уровневую или аспектную типологию, или типологию подсистем. Полученные результаты окажутся полезными для разработчиков лингвистических корпусов и баз данных по исчезающим языкам мира, а также могут применяться в практике преподавания эвенкийского и ороконского языков. Материал, изложенный в работе, будет востребован в сфере сохранения, документации, ревитализации тунгусских языков и культур, а также для гармонизации межэтнических отношений трансграничного пространства Верхнего Приамурья РФ и КНР.

Достоверность и научная обоснованность теоретических и экспериментальных результатов работы обеспечивается многообразием применяемых методов, соответствующих цели и задачам исследования, анализом обширного фактологического материала звучащей речи, статистической значимостью полученных результатов.

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации были представлены в докладах на X Сеульской международной алтаистической конференции “Reexamination of objects and methods of research into Altaic languages and cultures” (Сунчхон, 2011 г.); международных конференциях «Phonetics without borders» (Благовещенск, 2011, 2014, 2017 гг.); международном форуме «Образовательное пространство России: проблемы взаимодействия языков и культур» (Благовещенск, 2012 г.); XI Сеульской международной алтаистической конференции “Synchronic and diachronic studies on Altaic languages” (Сеул, 2013 г.); Международной конференции «Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона» (Благовещенск, 2013 г.); Конгрессе коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (Санкт-Петербург, 2014 г.); межрегиональном научно-практическом семинаре «Реализация требова-

ний ФГОС в учебно-методической литературе по эвенкийскому языку» (Иенгра, 2014 г.); II Международной культурной конференции «Пространство культуры китайской цивилизации: традиции инновации в современной синологии» (Благовещенск, 2016 г.); XIII Сеульской международной алтаистической конференции “Contemporary outlooks on Altaic languages” (Улан-Батор, 2017 г.); Межрегиональной научно-практической конференции «350 лет принятия русского подданства эвенкийскими родами под предводительством князя Гантимура как детерминанта в сохранении и развитии историко-культурного наследия эвенков» (Улан-Удэ, 2017 г.); Всероссийской научной конференции «Языки народов Сибири и сопредельных регионов» (Новосибирск, 2018, 2019 гг.); Международной междисциплинарной тунгусской конференции «Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки, эвены, ороконы и другие группы)» (Благовещенск, 2019 г.); Международной научно-практической конференции «Языки коренных народов как фактор устойчивого развития Арктики» (Якутск, 2019 г.); III Межрегиональной научной конференции «Социофонетика и фоностилизация: от теории к практике» (Симферополь, 2020 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич» (Якутск, 2020 г.); II конференции по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам (Санкт-Петербург, 2020 г.); Всероссийской научно-практической онлайн-конференции «Языки и литературы народов Северо-Востока России: современное состояние и перспективы развития» (Якутск, 2020 г.); Всероссийской научно-практической конференции «Чтения памяти ученых и педагогов Э. Ф. Чиспиякова и Ф. Г. Чиспияковой» (Новокузнецк, 2020 г.); Межрегиональном научном семинаре «Сохранение и развитие языков и культур коренных народов Сибири» (Абакан, 2021 г.).

Структура диссертации отражает основной замысел исследования и включает в себя введение, четыре главы, заключение, список литературы (435 наименований, из них 73 – на иностранных языках), список иллюстративного материала (44 таблицы, 174 рисунка), 11 приложений с информацией о методике сбора материала и проведения экспериментально-фонетического исследования, с данными о дикторах и консультантах, с анкетами и материалами по социолингвистической ситуации региона. Основное содержание – 389 страниц, список иллюстративного материала и приложения – 92 страницы.

По теме диссертации опубликовано 53 работы общим объемом 37,33 п. л., 15 из которых в ведущих рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК, 2 – в изданиях, входящих в Международную базу данных Scopus; составлена 1 программа ЭВМ, приравненная к публикациям ВАК, 2 монографии (в соавторстве), 2 словаря (в соавторстве).

Основное содержание работы

Во **Введении** дана оценка степени разработанности и обоснована актуальность выбранной темы, определены объект, предмет, материал, методы и методология исследования, сформулированы цель и задачи, гипотеза и положения, выносимые на защиту, отражена научная новизна, теоретическая и практическая значимость, степень достоверности полученных результатов, приведены данные об апробации работы, охарактеризована структура диссертации.

В **первой главе «Тунгусские языки Верхнего Приамурья: история вопроса и проблематика исследования»** даны краткий аналитический обзор проблем, связанных с интерпретацией понятий системы, нормы и вариантности в эвенкийском и орочонском языках, изложена позиция автора диссертации по этому вопросу. Особое внимание уделено проблематике диалектной раздробленности и ее отражению в парадигматике эвенкийского и орочонского языков. Изложены спорные вопросы звуковых систем тунгусских языков Верхнего Приамурья, представлена общая характеристика современной социолингвистической ситуации у эвенков Амурской области РФ и орочонов северо-востока КНР.

В разделе 1.1 разграничены понятия вариативности и вариантности. Под вариативностью понимается исключительно аллофонное варьирование – представленность фонемы теми или иными аллофонами в тех или иных комбинаторно-позиционных условиях. Под вариантностью подразумевается представленность одной и той же языковой единицы несколькими вариантами; в широком смысле вариантность – это представленность языка различными территориальными вариантами, диалектами, социолектами и т. п.

Понятия вариативности и вариантности напрямую связаны с понятиями системы и нормы, относительно которых имеются разногласия. В работе разделяется точка зрения о том, что система шире нормы и представляет собой совокупность возможностей; в свою очередь, норма выступает как общезыковая категория, совокупность обязательных реализаций, принятых в данном языковом обществе [Косериу 2010; Наумов 2010]. Это означает, что норма свойственна литературному языку (если таковой имеется), диалектам, говорам, разным формам и стилям речи и может быть как некодифицированной (по разным причинам), так и кодифицированной. При такой трактовке понятие узуса избыточно и в реферируемой работе не употребляется. Норму и кодификацию можно иначе определить как дескриптивную (объективно существующую и не всегда кодифицированную) норму и прескриптивную норму соответственно.

При рассмотрении проблемы вариантности в эвенкийском языке в работе определяются понятия наречия, диалектной группы, диалекта и го-

вора. При описании эвенкийского языка под наречием понимается группа диалектов, объединенных общими фонологическими признаками, отличающими их от других групп диалектов. Отсюда следует, что понятия «наречие» и «диалектная группа» используются как синонимичные. Понятие диалекта трактуется вполне традиционно [Касаткин 2000]. Внутри него выделяются локальные разновидности, которые называют говорами [Василевич 1948; Цинциус 1949; Булатова 1987]. Термин «говор» употребляется тунгусоведами для обозначения наименьшей территориальной разновидности языка, используемой в качестве средства общения жителями одного или нескольких соседних, обычно сельских, населенных пунктов, не имеющих территориально выраженных языковых различий. Сила нормализаторских тенденций литературного эвенкийского языка, построенного на особенностях говоров Подкаменной Тунгуски, оказалась недостаточной для нивелирования фонетических, грамматических и лексических черт, присущих говорам приамурских эвенков. Литературный эвенкийский язык так и не получил наддиалектного статуса. Речь эвенков на всей территории их проживания неоднородна, в ней используется совокупность «языковых традиций», которые оказались связанными между собой в силу действия исторических факторов.

Если иерархическая структура языковых образований внутри эвенкийского языка проработана достаточно четко, хотя и не без слабых сторон, то об ороchonском языке этого сказать нельзя. Ввиду нехватки информации по говорам, структура остается неясной. Большинство ученых сходится во мнении о наличии трех диалектов – центрального (Ороchonского автономного хошуна), северо-восточного (Большой Хинган) и юго-восточного (Малый Хинган) [Хань, Мэн 1993, 2014; Whaley, Grenoble, Li 1999], которые, вероятно, представлены определенными говорами, локализованными внутри деревень, расположенных на указанных территориях. Фонетические особенности этих говоров нельзя назвать изученными. Среди тунгусоведов имеются расхождения во взглядах на самостоятельность статуса ороchonского языка [Doerfer 1978, 2004; Janhunen 1989, 1991, 1996; Чаоке, Цумагари 1997; Решетов 1998; Whaley, Grenoble, Li 1999; Бай 2013; Ян 2016; Whaley, Oskolskaya 2020]. В реферируемой работе термин «язык» используется в значении «язык как средство общения» без указания на его иерархический статус (язык-диалект-говор) [Николина и др. 2003; Шалданова 2007] и др.

Дисперсное проживание, изолированность друг от друга, отсутствие коммуникации в силу удаленности приводят, во-первых, к невозможности существования единой дескриптивной нормы при навязанной единой прескриптивной норме (=кодификации). Во-вторых, эта же причина имеет следствием разницу фонологических систем, что вполне допустимо для территориальных вариантов и диалектов одного и того же языка. Так,

и эвенкийские, и ороchonские говоры имеют свои самостоятельные системы фонем и модели их реализации, в той или иной степени соприкасающиеся у разных говоров. Отталкиваясь от этого положения, следует рассматривать консонантизм и вокализм того или иного говора, и именно поэтому недопустимо описывать разницу между эвенкийскими говорами в терминах аллофонного варьирования.

Широкая вариантность тунгусских языков в виде наречий, диалектов и говоров (для ороchonского языка только диалектов) порождает разночтения из-за смешения различных способов передачи инвентаря звуковых единиц (разделы 1.2 и 1.3). Графическое отображение фонетических единиц эвенкийского языка варьирует от букв русского алфавита (обеспечивающих однозначность отображения, но порой искажающих реальную фонологическую картину) до разнообразных транскрипционных знаков, включая диакритики. Разнобой в системе знаков для транскрибирования – реальная проблема, которую можно объяснить, с одной стороны, многочисленностью диалектов, с другой – предпочтениями тунгусоведов, каждый из которых стремился по-своему унифицировать систему графического обозначения фонологических единиц. До настоящего времени ороchonский язык остается бесписьменным. Литература на ороchonском языке зафиксирована различными системами письма (международным фонетическим алфавитом в различных вариациях, китайской транскрипцией). На всей территории расселения ороchonов отсутствует общеобязательность и сознательное культивирование нормы для всех говорящих на ороchonском языке.

В разделе 1.4 обсуждаются дискуссионные проблемы исследования звуковых систем эвенкийского и ороchonского языков. Благодаря лингвистическому анализу речи можно признать соответствие $s \sim h \sim f$ в разных говорах эвенкийского языка соответствием не аллофонов как комбинаторно-позиционных вариантов одной фонемы при реализации, а самостоятельных фонем, находящихся в отношениях вариантности в разных говорах. В данной точке пересечения систем согласных разных эвенкийских говоров границы между указанными наречиями нельзя назвать непроницаемыми в силу причин миграционного характера. В результате элементы южного «шеканья» появились в речи одного из родов амурских эвенков. В речи одних и тех же эвенков можно встретить признаки свободного варьирования, причиной которого могут быть миграционные процессы и компактное проживание представителей разных родов – носителей разных говоров, не все из которых принадлежат одному наречию. Под влиянием доминирующего русского языка у эвенков Амурской области этнический плоскощелевой уклад практически полностью заменился на круглощелевой, но у возрастных эвенков плоскощелевой уклад еще сохранен. У жителей Ороchonского автономного хошуна КНР соответствие $s \sim \epsilon$ яв-

ляется соответствием комбинаторных аллофонов одной фонемы /s/, а в разных орончонских диалектах на территории КНР соответствие *s ~ h* является соответствием фонем, находящихся в отношениях вариантности.

На фоне дискуссионных вопросов эвенкийской фонетики ярко выделяется проблематика признака «мягкость согласного» не только в силу того, что тунгусоведы придерживаются разных мнений относительно палатализованных / мягких согласных и собственно среднеязычных (палатальных) аффрикат, но и в свете современных процессов палатализации согласных в эвенкийском языке, происходящих под влиянием доминирующего русского языка. Результатом последнего вполне может быть появление переднеязычных мягких глухой и звонкой аффрикат /tʃ/ и /dʒ/. Первые экспериментальные исследования методами палатографии и кимографии эвенкийского языка (ербогочёнский говор), проведенные М. И. Матусевич [1960], уже зафиксировали только смычно-взрывные /tʃ/ и /dʒ/ и показали переднеязычный характер этих фонем и наличие второго среднеязычного фокуса. Кроме того, констатировалась вариативность способа образования шума при реализации этих фонем – от исключительно смычной до аффрицированной и даже фрикативной. Позже была показана с помощью МРТ-анализа двухфокусность согласных /tʃ/ (/tʃ/) и /dʒ/ как переднеязычных по артикуляторному ряду; по способу шумообразующей преграды они были классифицированы как смычно-щелевые (аффрикаты) [Селютина, Уртегешев, Добрина 2014].

Для эвенкийского и орончонского языков характерен ряд черт, важнейшая из которых – агглютинативная морфология. Сопутствующим агглютинации является сингармонизм, связанный с сохранением определенного режима, постоянного качества гласных, а иногда и согласных [Черкасский 1965]. На сегодняшний день феномен сингармонизма можно считать более или менее изученным, поскольку получены определенные выводы о месте данного явления в просодической системе языков мира, описаны его языковые функции. Как объект исследования сингармонизм рассматривался с разных точек зрения: в качестве морфонологического явления [Богородицкий 1953; Реформатский 1966], в рамках общей фонологической теории [Трубецкой 1987], как средство словообразования [Бодуэн де Куртенэ 1963]. Отмечается просодическая роль сингармонизма [Бодуэн де Куртенэ 1963; Виноградов 1966; Щербак 1970]. Некоторые лингвисты рассматривали сингармонизм с ассимилятивной точки зрения, считая ассимиляцию одним из проявлений сингармонизма [Кононов 1976; Поливанов 1991]. Кроме этого, высказывалось мнение о тесной связи закона гармонии с агглютинацией [Суник 1957; Черкасский 1965; Серебренников 1986; Гаджиева 1997; Тенишев 1997]. Учеными выдвигалась также точка зрения о распространении сингармонизма только на аффиксы, но не на корни [Богородицкий 1953; Трубецкой 1987] и т. д.

Тип сингармонизма для тунгусо-маньчжурских языков определяется как компактный – гармония гласных по подъему [Черкасский 1965; Афанасьева 2010; Селютин 2014]. В литературном эвенкийском и на материале некоторых говоров (в частности, баргузинского) сингармонизм проявляется не в таком чистом виде, как, например, в языках турецких [Горцевская 1936]. Отсутствие классической тембровой гармонии объясняется, по мнению В. И. Цинциус, смешением гласных по признаку ряда: артикуляционная четкость противоположения гласных одного ряда («заднего») гласным другого ряда («переднего») стерта [Цинциус 1949]. Некоторые исследователи признают, что смешения нет и законы сингармонизма в эвенкийском языке распространяются не на все слово, а до первого широкого долгого гласного, а далее начинают действовать заново уже в зависимости от этого гласного [Василевич 1958; Афанасьева 2010]. Поскольку долгий /a:/ частично «сдвинут» в сторону мягкого ряда, он требует после себя краткого /з/ вместо ожидаемого /а/ [Цинциус 1949]. Например: *халган* ‘нога’ (им. п.) – *халган-мэ* ‘ногу’ (вин. п.), но при последующем долгом широком равновесие восстанавливается: *халган-мāн* ‘его ногу’ (вин. п. с притяж. суф. 3-го л. ед. ч.). В целом для функционирования сингармонизма в эвенкийском языке суффиксы с широкими гласными имеют три варианта, например, суффиксы винительного падежа *-ва / -вэ / -во*, местного падежа *-лā / -лэ / -лō*, суффикс несовершенного вида глаголов *-дя / -де / -дэ* и др. Кроме того, дискуссионный вопрос о наличии разных по качеству гласных /i/ и /u/ твердого и мягкого рядов ждет своего решения. Обсуждая проблему сингармонизма в ороchonском языке, ученые высказывают разные мнения относительно функционирования гласных мягкого и твердого рядов в диалектах ороchonского языка [Хань, Мэн 1993; Whaley, Grenoble, Li 1999]. Перспектива исследования ороchonского сингармонизма видится в тщательном планировании фонетических экспериментов с целью изучения гармонии гласных в имеющихся диалектах ороchonского языка.

Стечение гласных в ороchonском языке порождает один из противоречивых вопросов ороchonской фонологии – наличие / отсутствие дифтонгов в его вокализме. В центральном диалекте Ороchonского автономного хошуна в результате выпадения интервокальных согласных /j/, /w/ и /g/ появились сочетания гласных. Аналогичное выпадение в юго-восточном / бирарческом диалекте Малого Хингана привело к стяжению оставшихся гласных в один долгий. Данное явление типично для некоторых диалектов эвенкийского языка (например, токминско-верхоленского).

Тунгусские языки Верхнего Приамурья находятся под угрозой исчезновения (раздел 1.5). В настоящее время традиция передачи исследуемых языков от матери к ребенку прервана. Основными хранителями эвенкийского являются люди не моложе 40 лет, для ороchonского – не моложе 50

лет, усвоившие родной язык в младенческом возрасте в семье кочевников. Для ороchonского языка имеется опасность оставить о себе противоречивые свидетельства в будущем, поскольку для него не созданы алфавит и письменность.

Завершается первая глава обобщающими выводами (раздел 1.6).

Цель **второй главы «Парадигматика и синтагматика вокализма эвенкийского и ороchonского языков»** заключается в исследовании системы гласных эвенкийского и ороchonского языков и устранении противоречий, вытекающих из предшествующих описаний фонетики этих языков на основании экспериментально-фонетического анализа речевого материала, полученного в Лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, а также в ходе лингвистических экспедиций к эвенкам и ороchonам Верхнего Приамурья. Также необходимо было выяснить, какие материальные характеристики звуков – артикуляционные и акустические – могут быть коррелятами дифференциальных признаков фонем. Кроме того, в данной главе представлены результаты исследования вероятностно-дистрибуционных характеристик звуковых единиц, поскольку частотность гласных на материале эвенкийского языка в сопоставлении с ороchonским до настоящего времени не была предметом специального изучения. Данное обстоятельство обусловило наш интерес к частотности гласных в эвенкийской и ороchonской речи, особенно учитывая то, что оба языка являются вокалическими и допускают только двучленные консонансы и только в середине слова, в отличие от русского языка, являющегося консонантным, богатого сочетаниями согласных в разных позициях (особенно дву- и трехчленными; 4 согласных возможны в начале слова).

Полученные данные (раздел 2.1) свидетельствуют о том, что в словарном фонде ороchonского языка преобладают двусложные и трехсложные словоформы, составляющие в сумме 75,7 % выборки из 2219 словоформ. Для сравнения в эвенкийском языке двусложных и трехсложных словоформ в сумме меньше (64,8 %). Средняя длина словоформы в ороchonском языке 5,9 фонемы (2,7 слога), в эвенкийском – 6,2 фонемы (2,7 слога).

В языке эвенков и ороchonов функционируют четыре основных типа слогов: V, VC, CV, CVC. Открытый слог типа CV несет на себе большую частотную нагрузку (57,45 % в эвенкийском, 47,64 % в ороchonском). Эта вероятностно-дистрибуционная характеристика нетипична для языков обско-угорских и тюркских народов Сибири – казымских ханты и кумандинцев (соответственно), где преобладающим типом является закрытый слог [Куркина 1980; Селютин 1982].

По коэффициенту консонантной насыщенности (1,5) языки эвенков и ороchonов аналогичны мансийскому языку. Они имеют немного более высокий коэффициент, чем тюркские языки, например: язык кумандинцев

– 1,46, качинский диалект хакасского языка – 1,44, но чуть менее высокий, чем хантыйский – 1,53 [Шеворошкин 1969; Селютина 1982]. Хотя консонантные коэффициенты в эвенкийском и ороchonском языках достаточно высоки, но среди согласных наиболее частотны сонорные. В эвенкийских текстах процентное соотношение всех фонем составило 40 % гласных, 35 % сонорных и 25 % шумных; в ороchonских – 33 % гласных, 50 % сонорных и 17 % шумных.

В эвенкийском языке в начальных неприкрытых и прикрытых слогах отмечается абсолютное преобладание кратких гласных над долгими (79,9 % vs 22,11 %; 80,16 % vs 19,84 %), в то время как в конечных слогах распределение либо практически одинаковое в сторону незначительного преобладания долгих над краткими (49,88 % vs 50,12 %) – для открытых слогов (CV), либо преобладание кратких не так велико, как для начальных слогов – для закрытых слогов (61,51 % vs 38,49 %). В ороchonском языке, как и в эвенкийском, в начальных слогах преобладают краткие гласные, причем в неприкрытых слогах преобладание существенно (93,11 % vs 6,89 %), а в прикрытых оно несколько сглажено (68,52 % vs 31,48 %). Ситуация с гласными в конечных закрытых слогах схожа с эвенкийским (65,24 % vs 34,76 %), а в открытых, в отличие от эвенкийского, значительно преобладают краткие гласные (80,38 % vs 19,62 %).

Максимальную относительную частотную нагрузку несет на себе мягкорядный краткий неогубленный гласный /з/ – 14,75–29,06 % в эвенкийском, 14,92–28,41 % в ороchonском. Немногим в значениях по частотности ему уступает твердорядный краткий неогубленный гласный /а/ – 14,49–19,08 % в эвенкийском, 15,94–25,95 % в ороchonском. В эвенкийском языке в разных типах слогов, кроме начальных неприкрытых, преобладают нейтральные гласные. Во всех типах слогов, кроме конечного закрытого, твердорядные преобладают над мягкорядными. В ороchonском языке отмечается преобладание мягкорядных гласных над твердорядными в начальном неприкрытом и конечном закрытом типах слогов. В остальных случаях твердорядные преобладают над мягкорядными. Нейтральные гласные являются самыми частотными только в начальном неприкрытом и конечном открытом типах слогов.

Как в эвенкийском, так и в ороchonском неогубленные гласные характеризуются большей относительной частотностью по сравнению с огубленными во всех типах слогов. При этом в обоих языках для конечных слогов это преобладание абсолютное, а для начальных оно несколько сглажено.

Исследование показало, что между парадигматической и синтагматической частотностью наблюдается определенный параллелизм. Однако парадигматическая частотность гласных по признакам ряда, подъема, долготы отличается от синтагматической. Гласные центрального ряда,

которых в системе меньше, обладают самой высокой синтагматической частотностью в обоих языках. Самые разительные несовпадения фиксируются по признаку долготы: в системе кратких гласных на 1 меньше, но в обоих языках в речи краткие значительно преобладают над долгими (см. табл. 1). Сравнение результатов по двум языкам показало, что ранги частотности отдельных фонем во многом совпадают (см. табл. 2). Несущественные расхождения рангов отмечены для 2 гласных из 11, что может объясняться разным лексическим наполнением.

Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных ороchonского и эвенкийского языков максимально близки. Имеется сходство и различие частотных характеристик тунгусских языков Верхнего Приамурья с некоторыми тюркскими и обско-угорскими языками. При этом зафиксированы различия по нескольким параметрам: ведущей слоговой структурой в анализируемых языках является открытый слог; коэффициент их консонантной насыщенности выше, чем в тюркских языках; частотное распределение твердоядных, нейтральных и мягкорядных в ороchonских текстах примерно одинаковое; длина словоформы в фонемах в ороchonском больше, чем в кумандинском, но меньше, чем в эвенкийском. В целом проанализированный материал дает объективные основания по вероятностным характеристикам групп фонем тунгусских языков Верхнего Приамурья, чтобы считать эти языки звучными / мелодичными / певучими в силу преобладания вокалических звуков, включающих гласные и сонорные. Оно заметно выше, чем в английском и русском языках.

Таблица 1

Величина преобладания частотности кратких гласных фонем над долгими

Пара фонем	Величина преобладания (раз)	
	Эвенкийский	Ороchonский
/i/ – /i:/	5,3	5,7
/a/ – /a:/	5,3	4,7
/з/ – /æ:/ (эвенк.) /з/ – /з:/ (ороч.)	2,9	5,4
/o/ – /o:/	3,1	2,0
/u/ – /u:/	7,4	2,8

Таблица 2

Частотность гласных в эвенкийском и ороchonском языках

№ п/п	Фонема	Абсолютное количество		Ранг частотности	
		Эвенк.	Ороч.	Эвенк.	Ороч.
1	i	668	1231	3	3
2	i:	127	215	7	10
3	e:	29	249	10	9
4	a	679	1467	2	2
5	a:	127	310	7	7
6	з	932	1771	1	1
7	æ: (эвенк.) з: (ороч.)	317	326	5	6
8	o	201	371	6	5
9	o:	64	187	9	11
10	u	497	763	4	4
11	u:	67	269	8	8

Измерения показали (разделы 2.2, 2.3), что ороchonские гласные верхнего /i/, /i:/, /u/, /u:/ и среднего /з/, /з:/, /o/, /o:/, /^he:/ подъемов артикулируются шире по раствору артикуляторных органов, чем аналогичные эвенкийские гласные. Отклонение в значениях в среднем составляет от 50 до 100 Гц. В свою очередь эвенкийские гласные верхнего /i/, /i:/, /u/, /u:/ и среднего /з/, /з:/, /o/, /o:/, /e:/ подъемов имеют более высокие формантные значения. Ороchonские гласные переднего ряда /i/, /i:/, /^he:/, заднего ряда /u/, /u:/, /o/, /o:/ и центрального ряда /з/ более передние по сравнению с соответствующими эвенкийскими гласными, что говорит об общей более передней настройке артикуляции гласных ороchonского языка. Ороchonский гласный центрального ряда среднего подъема широкой разновидности /з:/ (частотные значения 685–1647 Гц) имеет самое значительное отличие от соответствующего эвенкийского /з:/ (860–1785 Гц), который по своим формантным характеристикам относится к *a*-образным гласным и, по сути, является гласным центрального ряда низкого подъема широкой разновидности. Остальные гласные ороchonского и эвенкийского языков в отношении своих частотных значений более или менее соотносятся друг с другом. В ороchonском языке гласный переднего ряда среднего подъема /^he:/ является дифтонгоидом. В эвенкийском языке (селемджинский говор) дифтонгоидности гласного /e:/ не отмечено.

При исследовании восточного аканья в селемджинском говоре эвенкийского языка для *a*-образных реализаций на месте канонического /з:/ и для реализаций собственно /а:/ по каждому диктору были вычислены средние значения, первый и третий квартили (среднее минимальное и среднее максимальное значения соответственно) и длительность (см. табл. 3).

Таблица 3

Статистическая обработка акустических параметров фонем /з:/ и /а:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка

Диктор	Параметр	F1	F2	Длительность	F1	F2	Длительность
		/з:/ → /а:/ ¹			/а:/		
SGA-m	Среднее	772	1656	166	894	1537	181
	1 квартиль	744	1590	132	820	1496	126
	3 квартиль	796	1704	210	978	1567	232
BNYa-f	Среднее	759	1496	235	866	1671	239
	1 квартиль	716	1424	200	845	1614	177
	3 квартиль	791	1572	267	890	1730	278
STN-f	Среднее	663	1601	115	773	1690	156
	1 квартиль	597	1527	92	737	1662	125
	3 квартиль	721	1694	122	799	1719	175

У всех дикторов отмечалась разница по всем указанным параметрам для F1 в сторону больших значений для реализации собственно /а:/ по сравнению с *a*-образными реализациями на месте канонического /з:/, хотя последние, безусловно, следует считать открытыми, а не среднего подъема, как предполагается для канонического /з:/. По F2 у диктора-мужчины (SGA-m) наблюдалась обратная тенденция – более высокие значения у *a*-образных реализаций на месте канонического /з:/, что свидетельствует об их более переднем характере по сравнению с реализациями собственно /а:/. Для обеих женщин (BNYa-f, STN-f), наоборот, значения F2 канонической /а:/ превышали *a*-образные реализации на месте канонического /з:/, что свидетельствует о более переднем характере /а:/. Значи-

¹ Здесь показано условное обозначение *a*-образных реализаций на месте канонического /з:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка.

тельной разницы по длительности для SGA-m и BNYa-f не отмечено, в то время как на материале STN-f длительность реализаций канонического /a:/ превышала длительность *a*-образных реализаций на месте канонического /з:/.

Как показывают вычисленные статистические параметры, колебания значений F1 и F2 были в ряде случаев весьма заметными, что, разумеется, обусловлено влиянием фонетического окружения – разного согласного контекста, однако значения не перекрещивались, за исключением 3 квартиля для F2 по /з:/→/a:/ и 1 квартиля для F2 по канонической /a:/ у STN-f (практически одинаковые значения). Разброс значений длительности был более заметным для реализаций канонической /a:/. Проведенный акустический анализ реализаций канонических /з:/ и /a:/ в разных позициях в слове и в окружении разных согласных подтвердил реализацию *a*-образного открытого гласного на месте канонического /з:/, о чем свидетельствуют полученные формантные значения.

Вместе с тем при акустическом анализе были выявлены несовпадения по формантной структуре *a*-образных реализаций на месте канонического /з:/ и реализаций канонического /a:/. Насколько эта разница оказалась перцептивно значимой, было выяснено в нашем аудиторском эксперименте, программа которого построена на слогах, содержащих канонический /з:/. Программа предъявлялась 9 испытуемым – носителям селемджинского говора эвенкийского языка (жителям с. Ивановское Селемджинского района Амурской области). Перед эвенкоговорящими аудиторами была поставлена задача – прослушать звукосочетания и произнести то, что они слышат. В результате было получено 189 реакций на прослушанные стимулы, отказов от ответов не было. В результате оказалось, что в условиях ограниченного контекста (ситуация десемантизации – отсутствия лингвистической подсказки) аудиторы опознали канонический /з:/ как гласный [a:] (67 %), как гласный [o:] (22 %) или гласный [з:] (11 %). Данные эксперимента показывают, что указанная разница перцептивно значима в пользу /a:/ и омофония, действительно, имеет место быть. Это означает зафиксированные изменения для вокализма селемджинского говора эвенкийского языка. В результате в реферируемой работе предложено заменить транскрипционный знак с канонического /з:/ на /æ:/ для обозначения гласного в первом слоге в словах типа *сѣксэ* ‘кровь’ в селемджинском эвенкийском говоре.

В тунгусских языках Верхнего Приамурья фиксируется сохранность фонологической долготы гласных. Относительно длительности орочонских гласных выявлены следующие закономерности. В группах долгих и кратких гласных самыми длительными являются узкие гласные переднего ряда /i:/, /e:/, /i/. Гласный переднего ряда среднего подъема /e:/ превышает по длительности гласный переднего ряда верхнего подъема /i:/,

поскольку в ороchonском языке /e:/ является дифтонгоидом [i^he:]. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают гласные /з:/ – /з/, данная закономерность характерна и для эвенкийского языка. В эвенкийском языке, в группе долгих гласных отмечено, что чем более закрытый гласный, тем большей длительностью он характеризуется. В группе кратких эвенкийских гласных самыми длительными являются гласные основного треугольника /i – a – u/. Самой меньшей длительностью в обеих группах обладают эвенкийские гласные /æ:/ – /з/. Сравнение средней длительности фонологически долгих и их кратких пар в эвенкийском языке показывает значительную разницу между долгими и соответствующими им краткими гласными. Эвенкийские долгие более чем в два раза длительнее кратких гласных.

Проведенный анализ показал, что селемджинский говор эвенкийского языка характеризуется смешанным типом сингармонизма. Во-первых, в эвенкийском языке имеется частичная лабиальная гармония, которая привязана к признаку фонологической долготы гласного: реализуется для краткой фонемы /o/, но не отмечена для ее долгой пары. Во-вторых, присутствует палатальная гармония, регулирующая не только дистрибуцию самих гласных фонем и аллофонов, но и твердых и мягких аллофонов предшествующих согласных в слого. В связи с этим еще раз подтверждена целесообразность транскрибирования канонического /з:/ знаком /æ:/, что сейчас не используется для эвенкийской транскрипции восточного наречия. В-третьих, фонемы нейтрального сингармонического ряда /i/ и /u/ обладают парами различных по качеству аллофонов, которые реализуются в мягкорядных и твердорядных словоформах соответственно. Кроме того, эти пары аллофонов [i – ī] и [u – ū] дополнительно различаются по степени продвинутой вперед / отодвинутой назад. Для фонемы /i/ зафиксированы также аллофоны узкой и широкой разновидностей [ī – ī̄]. Аналогичная пара различающихся по подъему аллофонов [ū – ū̄] для фонемы /u/ утеряна. Феномен восточного аканья, ярко проявляющийся в селемджинском говоре, может как устранять нарушения гармонии гласных, характерные для литературного эвенкийского и всех западных говоров, в которых фонема /з:/ имеет аллофон [з:], так и нарушать ее. Все это говорит о чрезвычайной нестабильности эвенкийской фонологической системы, что не может не быть следствием статуса исчезающего языка и огромной вариантности, связанной с наличием большого количества наречий и говоров.

Экспериментальное исследование стечения гласных в ороchonском языке показало наличие контекстуальных дифтонгов в его вокализме, поскольку анализируемое стечение гласных не фиксируется при тщательном артикулировании слов, где возможно выпадение интервокальных согласных /j/, /w/ и /q/ в центральном и северо-восточном диалектах ороchonского

языка. Тем не менее аналогичное выпадение /j/, /w/ и /g/ в юго-восточном / бирарческом диалекте Малого Хингана привело к стяжению оставшихся гласных в один долгий.

Завершается вторая глава обобщающими выводами (раздел 2.4).

В третьей главе «Парадигматика и синтагматика консонантизма эвенкийского и ороchonского языков» рассмотрена проблематика выделения состава согласных фонем, представлен детальный анализ частотности фонемных групп согласных в эвенкийском и ороchonском языках; исследованы артикуляторно-акустические характеристики модификаций эвенкийских и ороchonских согласных; описаны результаты экспериментов по изучению признака «мягкость согласного» в эвенкийском языке.

Между парадигматической и синтагматической частотностью в области эвенкийского и ороchonского консонантизма наблюдается определенный параллелизм (раздел 3.1). Преобладание смычных над щелевыми и переднеязычных над согласными других локусов, выявленное в парадигматике, имело место и в речи как в группе шумных согласных, так и сонорных (см. табл. 4).

Таблица 4

Частотность согласных в эвенкийском и ороchonском языках

№ п/п	Фонема эвенк./ороч.	Абсолютное количество		Ранг частотности	
		Эвенк.	Ороч.	Эвенк.	Ороч.
1	p / p ^h	61	9	18	18
2	b / p	287	308	9	11
3	β / w	393	326	6	8
4	m / m	310	483	8	5
5	t / t ^h	596	321	3	10
6	d / t	270	364	12	7
7	n / n	963	1368	1	1
8	n ^j / n ^j	117	196	17	13
9	s / s	207	82	15	17
10	l / l	448	601	4	4
11	r / r	434	649	5	2
12	tʃ / tʃ ^h	281	403	10	6
13	dʃ / tʃ	364	187	7	14
14	j / j	182	324	16	9

№ п/п	Фонема эвенк./ороч.	Абсолютное количество		Ранг частотности	
		Эвенк.	Ороч.	Эвенк.	Ороч.
15	k/ k ^h	754	253	2	12
16	g / k	270	180	11	15
17	ŋ / ɲ	239	94	13	16
18	h / x	218	640	14	3

На эвенкийском языковом материале внутри группы шумных согласных по признаку глухости / звонкости преобладают глухие согласные: их почти в 1,8 раза больше, чем звонких. В ороchonском преобладают сильные согласные: их в 1,6 раза больше, чем слабых. Системная частотность эвенкийских глухих также выше за счет непарных глухих /s/, /h/ (парные: /p/ – /b/, /k/ – /g/, /t/ – /d/, /tʃ/ – /dʃ/). В ороchonском языке системная частотность сильных также выше за счет непарных /s/, /x/ (парные: /p^h/ – /p/, /k^h/ – /k/, /t^h/ – /t/, /tʃ^h/ – /tʃ/). По способу образования в эвенкийской речи отмечается абсолютное преобладание смычных над щелевыми – в 7,5 раза (в ороchonской – только в 2,8 раза), если в группу эвенкийских смычных включать аффрикату, и почти в 6,9 раза (у ороchonов – в 2 раза), если ее рассматривать отдельно. Наконец, по активному органу, при одинаковой системной частотности губных и заднеязычных, в эвенкийской синтагматике последних в 2,9 раза больше (в ороchonской – в 3,4 раза больше). Эвенкийские переднеязычные, обладая самой высокой системной частотностью (в 2,5 раза больше, чем губных и заднеязычных), сохраняют ее и в речи: их в 4,9 раза больше, чем губных и почти в 1,7 раза больше, чем заднеязычных. В ороchonском языке переднеязычных в синтагматике меньше, чем заднеязычных в 1,4 раза, но больше, чем губных в 2,4 раза и чем среднеязычных в 1,3 раза. Единственный фарингальный в эвенкийской речи низкочастотен, его количество меньше губных в 1,6 раза.

В эвенкийском и ороchonском языках в группе сонорных согласных по способу образования в системе носовые сонанты преобладают над плавными сонорными – 4 и 3 соответственно (в 1,3 раза); в речи преобладание сохраняется (в эвенкийском – почти в 1,6 раза; в ороchonском – почти в 1,7 раза). Частотность эвенкийского дрожащего в речи в 3,6 раза ниже носовых сонантов и в 2,4 раза ниже плавных сонорных (на ороchonском речевом материале частотность дрожащего в 3,3 раза ниже носовых сонантов и в 1,9 раза ниже плавных сонорных). По активному органу системно преобладают переднеязычные, затем губные, а заднеязычные и среднеязычные имеют самую низкую системную частотность. Соотношение синтагматической частотности в эвенкийском языке соответствует системной: переднеязычных в 2,8 раза больше, чем губных и в 8,2 и 10,8 раза больше,

чем заднеязычных и среднеязычных соответственно. В ороchonской синтагматике переднеязычных в 2,7 раза больше, чем губных, и в 5,2 раза больше, чем заднеязычных и среднеязычных в совокупности.

Эксперимент, результаты которого изложены в разделе 3.2, подтвердил наличие междикторской и внутрдикторской вариантности в реализации эвенкийских мягких фонем на месте букв *ч* и *д*. Реализации на месте *ч* варьировали от аффрикаты до слабоаффрицированного и неаффрицированного глухого переднеязычного смычного, при этом каноническая аффриката /tʃ/ была реализована в речи только половины дикторов. Конкурирующими можно назвать аффрикату [tsʲ] и альвеолярно-палатальную аффрикату [te], а также слабоинтенсивные аффрицированные мягкие зубные реализации [tʃʲ]. Такая нестабильность внутри одного эвенкийского говора вызывает серьезные опасения, поскольку свидетельствует о высокой степени нестабильности селемджинского говора как целостного образования. Это, несомненно, объясняется исчезающим статусом эвенкийского языка в целом и особенно тяжелым положением селемджинского говора в частности.

В разделе 3.3 представлено артикуляторно-акустическое описание консонантизма ороchonского языка в сопоставительном аспекте.

МРТ-анализ зафиксированных артикуляций ороchonских согласных показал, что не всегда имеет место ожидаемое артикуляционное движение. Так, у [tʃ] отсутствовало движение средней части спинки языка вверх, указывающее на палатальный характер, а у [n] и [nʲ] передняя и средняя части спинки языка прижаты к небу практически одинаково, хотя у второго площадь касания теоретически должна быть больше. Разница, похоже, в меньшей ширине языка и большей его продвинутости вперед. Кроме того, смычные слабые (непридыхательные) и сильные (придыхательные) согласные различаются большей напряженностью последних, что совершенно явно выражено на сагиттальных разрезах в том, что язык сжат в комок у всех смычных сильных (придыхательных) по сравнению со слабыми (непридыхательными) парами независимо от активного органа согласного (даже у губных).

Данные экспериментально-фонетического анализа соответствия $s \sim \int$ в селемджинском эвенкийском и центральном ороchonском показали, что признаки южного шеканья в речи норских селемджинских эвенков распространяются только на позицию перед заднерядными гласными высокого подъема, в остальных случаях реализуется плоскощелевой аллофон фонемы /s/, что и создает общий эффект шепелявости. В речи других эвенков шеканья не обнаружено, но признаки плоскощеливости присутствуют. В ороchonском материале реализации в препозиции к непереднерядным гласным носили преимущественно плоскощелевой характер, а в препозиции к переднерядным – круглощелевой у дикторов-женщин и плоскощелевой – у диктора-мужчины. Шеканье встретилось только

в речи диктора-мужчины в виде свободного варьирования. Свободное варьирование у орочонов также предполагает звонкие реализации. Полученные результаты полностью подтверждают выдвинутую гипотезу об особенностях соответствия $s \sim \int$, характере вариативности исследуемого сибиланта и чертах междикторской и внутрдикторской вариантности, включая свободное варьирование.

В ходе проведенного исследования параметров длительности и интенсивности зафиксировано, во-первых, варьирование длительности эвенкийского /s/, которое в целом подчиняется универсальным законам фонетической организации речевого потока, реализующегося и при произнесении изолированных слов. К значительному увеличению длительности приводит позиция в абсолютном конце слова, а интервокальная (стабильно у орочонов) и в начале консонанса часто вызывают ее сокращение. Здесь, однако, наблюдается междикторская вариантность. Во-вторых, поведение исследуемых фрикативных принципиально отличается в эвенкийском и орочонском материале в позиции начала слова по сравнению с позицией в конце консонанса и интервокальной позицией: в эвенкийском – в начале короче, а в орочонском – длиннее. В-третьих, междикторская вариантность отмечается в стратегиях взаимодействия параметров длительности и интенсивности. Одни эвенки и орочоны отдают предпочтение менее длительным, но более интенсивным реализациям, а другие – наоборот.

Полученные результаты демонстрируют большее количество «раскатистых» реализаций сонорного /r/ в конечной позиции слова на эвенкийском материале по сравнению с орочонским. На материале обоих языков выявлены звонкие и оглушенные фрикативные, а также одноударные реализации; последние сопровождаются фрикативным шумом, в большей степени выраженным в орочонском языке по сравнению с эвенкийским. На эвенкийском материале, в отличие от орочонского, зафиксированы мягкие аллофоны. Выявленные различия могут быть частично объяснены разным интерферирующим влиянием соответствующих доминирующих языков – русского и китайского.

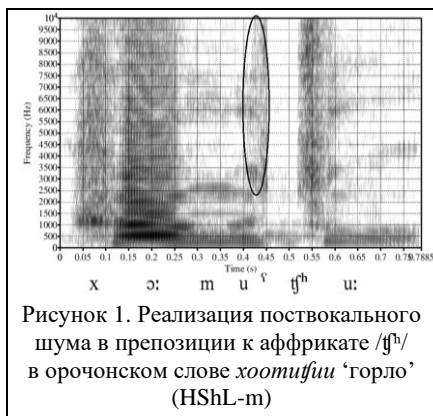
Завершается третья глава обобщающими выводами (раздел 3.4).

В **четвертой главе «Просодия эвенкийского и орочонского языков»** представлены результаты акустического анализа слога, акцентно-ритмических моделей и их реализаций в эвенкийском и орочонском языках; исследованы интонационные контуры, типичные для речи эвенков и орочонов Верхнего Приамурья.

В разделе 4.1 показаны данные акустического анализа слога в эвенкийском и орочонском языках с целью поиска коррелятов фонетического примыкания (артикуляционной особенности, влияющей на слогораздел в речи): 1) длительности гласного (как физического параметра); 2) интенсивности согласного и предшествующего гласного; 3) поствокального

шума на переходном участке от гласного к следующему согласному. Причиной обращения к исследованию примыкания послужила систематическая сложность отделения (сегментации) гласного от последующего согласного, возникшая в ходе инструментального анализа эвенкийской и ороchonской речи. Сложность сегментации связана с наличием шумовых составляющих, которые либо «вклиниваются» в формантную структуру конечной фазы гласного, либо добавляются по окончанию гласного до смычки следующего согласного. В задачи акустического анализа входило измерение следующих параметров обнаруженного поствокального шума: длительность, интенсивность, присутствие F0, частотные характеристики (в какой частотной области был реализован шум) для того, чтобы выяснить, будет ли он гортанного характера. Эти параметры изучались для начальных, срединных и конечных слогов слова с долгими и краткими гласными и согласными разного способа и места образования. Рассматривалась также конечная фаза гласного и сонорного в абсолютном исходе слова.

Проведенный акустический эксперимент продемонстрировал, что поствокальный шум постоянно встречается в речи всех информантов. Условия его появления однотипны. Шум практически всегда появляется перед смычно-взрывным согласным как глухим / сильным, так и звонким / слабым, как собственно смычно-взрывным, так и аффрикатой. Шум фиксируется как в препозиции к одиночному согласному, так и двучленному консонансу. В препозиции к аффрикате поствокальный шум выглядит на спектре практически зеркальным отражением фрикативного шума аффрикаты в средне-высоких частотах (см. рис. 1 и 2). В абсолютном конце слов в конечной фазе гласных и сонорных систематически регистрируется малоинтенсивный шум, который либо концентрируется в ниже-средней области спектра (чаще всего), либо располагается по всему спектру.

Наличие поствокального шума, который, по результатам исследования, «зеркалит» шум следующего шумного согласного и практически всегда присутствует в конце слова, заканчивающегося на гласный и сонорный, может свидетельствовать в пользу фонетической закрытости эвенкийского слога.

В разделе 4.2 описаны эксперименты с целью поиска коррелятов словесного ударения в эвенкийском языке.

По поводу локализации словесного ударения в эвенкийском языке существует три концепции. Согласно первой, традиционной концепции, не различающей силового и тонического видов ударения, в эвенкийском языке ударным всегда будет конечный слог слова, если в предыдущих слогах нет долгих гласных, в противном случае ударение реализуется на долгих гласных, но при выразительном произнесении последний слог сохраняет ударность [Castren 1856]. Вторая концепция, авторы которой проводят различие между силовым и тоническим видами ударения, признает в эвенкийском слове его разноместный характер. Помимо главного ударения, падающего на последний слог, в эвенкийском языке существует второстепенное, или побочное, ударение, которое приходится на первый слог. Выделение первого слога необходимо, чтобы определить сингармонический тип слова, выделение последнего слога несет разграничительную функцию, маркируя границы между словами [Цинциус 1949; Василевич 1958]. Авторы, придерживающиеся третьей концепции, полагают, что сингармонические языки (к которым относится и эвенкийский) являются анакцентными, т. е. лишенными словесного ударения как особой фонологической категории [Касевич 2006; Зиндер 2007]. Мы полагаем, что сингармонизм и ударение в эвенкийском языке сосуществуют, взаимно дополняя друг друга, поскольку данная точка зрения подтверждается результатами экспериментально-фонетических исследований [Андреева 2001; Селютина 2008; Афанасьева 2010].

В основу методики для проведения нашего эксперимента по выявлению коррелятов эвенкийского ударения был положен принцип разработки двух экспериментальных программ Т. Е. Андреевой [2001], которая в результате интонографического исследования изолированных слов (Программа 1) приходит к выводу, что эвенкийское словесное ударение совмещает в себе признаки музыкального и количественного. Однако, к сожалению, эксперимент в актуальной и важной работе Т. Е. Андреевой [2001] не был доведен до конца, поскольку по объективным причинам не состоялась Программа 2 с целью исследования синтаксически связанных словоформ.

В нашем эксперименте Программа 2 содержала предложения с отобранными из Программы 1 словоформами, имеющими в своем составе долгие и краткие гласные. Словоформы были употреблены в разных ча-

стях рамочных фраз (в начале, середине и конце). Подобное употребление словоформ, по нашему мнению, позволило бы проверить достоверность полученных в ходе Программы 1 результатов, так как изолированные слова, начитанные списком, обычно произносятся диктором с интонацией перечисления. Результаты показали мелодические «взлеты» и «падения», фиксируемые на каждом слоге словоформы. Интонационный контур рамочного предложения характеризовался изрезанностью, обусловленной последовательным чередованием инклинаций и деклинаций. В среднем неконечные слоги слова показывают движение интонационного контура в 2 полутона, конечные слоги неконечного слова фразы – в 4 полутона, реализация ядерного тона на последнем слове рамочной фразы показывает деклинацию в 6–8 полутонов.

Таким образом, наши данные согласуются с результатами имеющихся в литературе экспериментов по изучению эвенкийского словесного ударения и подтверждают аргументы в пользу музыкального (тонического) коррелята в качестве ведущего при реализации ударности. Музыкальный коррелят систематически регистрируется на последнем слоге двусложных, трехсложных и четырехсложных словоформ. Интенсивность и длительность эвенкийских гласных в различных комбинаторно-позиционных условиях были исследованы нами ранее. Подсчеты по параметру интенсивности показывают ее нерелевантность как коррелята словесного ударения для эвенкийского языка; длительность же, в силу нестабильности данного параметра, можно отнести к дополнительным квантитативным характеристикам ударения. Кроме того, изменение направления движения основного тона (коррелята музыкального ударения), зафиксированное на последнем слоге каждого слова, не приводит к изменению значения слов. Перелом мелодики с локацией на последнем слоге словоформы может также служить пограничным сигналом синтагматического членения речевого потока.

С целью исследования особенностей восприятия ударения в эвенкийском слове и выявления признаков слогов в оппозиции ударный-безударный был предпринят аудиторский эксперимент по методике Л. В. Величковой [2002] по изучению особенностей восприятия ритмических признаков слова и группы слов.

Основной задачей эксперимента было получение реакций носителей языка на лексическое наполнение ритмических групп. Были задействованы ритмические модели 2–8-сложных слов с разновидностями ритмических рисунков по каждой модели от 2 до 8 соответственно. Ритмическая модель была представлена не только в письменном виде, но и в устной форме. Задание эксперимента для auditors было сформулировано следующим образом: во-первых, подобрать слова или группы слов на каж-

дую ритмическую модель, во-вторых, отметить степень сложности поиска слова / группы слов на заданную ритмическую модель.

В ходе эксперимента по выявлению ритмических структур эвенкийского слова оказалось, что данный эксперимент обречен на неудачу с наивными носителями языка без специального филологического образования возрастной группы от 70 лет и старше. Поэтому при обработке результатов возникла необходимость деления на группы: 1) 70 лет и старше: подгруппа 1 – аудиторы без какого-либо образования, подгруппа 2 – аудиторы с высшим филологическим образованием; 2) 50–60 лет (аудиторы с высшим не филологическим образованием). Неудача в первой подгруппе первой группы, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами. Во-первых, задание по эксперименту, которое было понятно для носителей русского языка, было не понятно для необразованных носителей эвенкийского языка старшего поколения. Поэтому для них было предложено другое задание – «прохлопывание и простукивание» ритмических структур с манипулированием громкостью (силой) хлопков. Во-вторых, в ходе выполнения нового задания была отмечена неожиданная особенность: одни и те же многосложные слова респонденты произносили с разной расстановкой ударения. Следовательно, манипуляция с прохлопыванием / простукиванием (чередованием сильных и слабых хлопков / ударов) не способствовала четкому определению ритмического рисунка эвенкийского слова для данной подгруппы испытуемых, что говорит о второстепенности параметра интенсивности как коррелята словесного ударения в эвенкийском языке.

Данные перцептивного эксперимента, собранные от участников, получивших образование, оказались другими. В их ответах на вопросы экспериментатора были даны однозначные реакции о том, какой слог был ударным в том или ином многосложном слове: ударение в большинстве случаев совпадало с долгой гласных. Наблюдалась прямая зависимость: ударный гласный – долгий гласный. Таким образом, результаты исследования особенностей восприятия ударения в эвенкийском слове, полученные от эвенков разного возраста и образования, показали, что у представителей старшего поколения (от 70 лет и старше) без образования сохраняется в многосложных словах слабоцентрализуемый характер ударения, свойственный агглютинативным языкам. У эвенков с филологическим и не филологическим образованием указанный характер ударения меняется под интерферирующим влиянием русского языка.

В разделе 4.3 показан акустический анализ мелодических характеристик на материале эвенкийского и ороchonского языков. При установлении набора интонационных конструкций эвенкийского и ороchonского языков использованы методики, широко применяющиеся при фонематическом анализе: 1) метод сравнения минимальных контрастов; 2) выявление по-

зиционно обусловленных вариантов, находящихся в отношениях дополнительной дистрибуции (в частности, дополнительная дистрибуция вариантов акцентного центра) [Светозарова 1982; Николаева 1996; Гордина 1997; Кодзасов, Кривнова 2001].

Экспериментальное исследование выявило ряд характерных черт, при- сущих интонационному оформлению эвенкийской и ороchonской речи. Это прежде всего сравнительно небольшой мелодический диапазон (см. рис. 3 и 4), обусловленный особенностями реализации изменений частоты основного тона, представленных контрастной последовательностью повышения и понижения тона и изменений высоты тона.

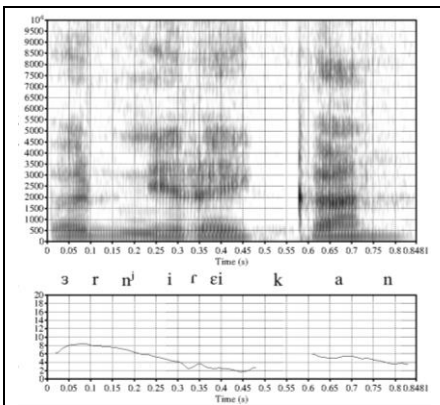

Рисунок 3. Спектрограмма и интонограмма эвенкийского утвердительного предложения *Эр неройкан* 'Это ребенок' (YaNA-f)

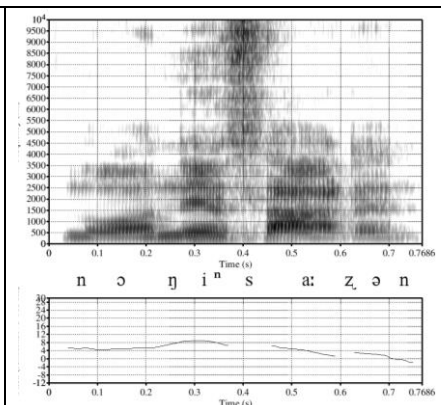

Рисунок 4. Спектрограмма и интонограмма ороchonского утвердительного предложения *Nəŋin saarən* 'Он знает' (MChZ-m)

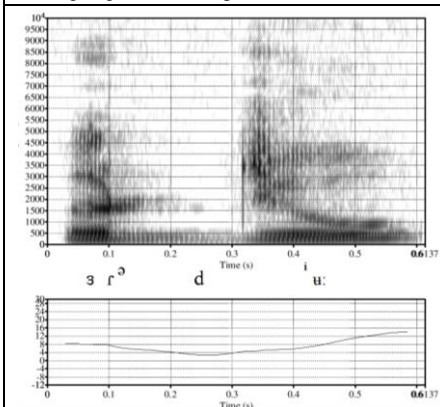

Рисунок 5. Спектрограмма и интонограмма эвенкийского общего вопроса *Эр дйб* 'Это дом?' (YaSS-f)

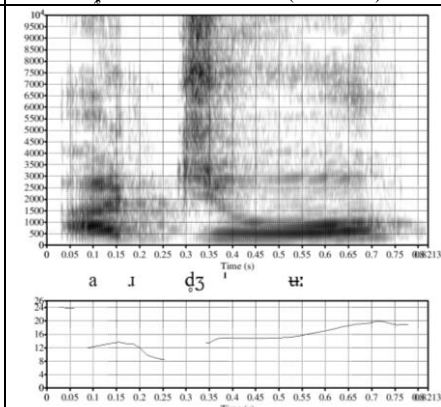

Рисунок 6. Спектрограмма и интонограмма ороchonского общего вопроса *Эр йфу?* 'Это дом?' (HIL-f)

Полученные интонограммы показывают преимущественно восходящий контур общего вопроса (небольшая деклинация в начале контура, за которой следует продолжительная инклинация (см. рис. 5 и 6), междикторскую вариантность специального вопроса (либо восходящее движение, как в общем вопросе, либо плавная деклинация) и контур «инклинация + деклинация» альтернативного вопроса.

На реализацию интонационного контура эвенкийских императивных конструкций оказывали влияние факторы количества слов в синтагме и количества слогов в однословной синтагме. Наличие двух и более слов в составе синтагмы определяло явный приоритет восходяще-нисходящего движения основного тона, в то время как при однословных конструкциях имели место и простой нисходящий тон (деклинация), и восходяще-нисходящее движение (инклинация + деклинация). Фактор количества слогов проявлял себя в том, что в четырехсложных словах-синтагмах превалировала деклинация, а в двух- и трехсложных оба типа тона реализовались практически равномерно. Однако очень вероятно, что более важную роль здесь играет порядок следования синтагм во фразе: конечные синтагмы императивных конструкций (в нашем материале – четырехсложные однословные) предполагают только деклинацию.

Определенную роль в трехсловных конструкциях играет порядок слов: расположение глагола-сказуемого в середине обуславливает самостоятельные инклинации на первых двух слогах и деклинацию на последнем. В целом, в подавляющем большинстве случаев каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление.

В реализации мелодического контура на эвенкийском языке отмечена заметная междикторская вариантность по уровню и диапазону изменения основного тона и в некоторых случаях – по предпочтению того или иного мелодического контура. Внутридикторская вариантность проявлялась прежде всего в характере контура (деклинация, восходяще-нисходящий или ровный тон) и особенно в реализации ступенями или в мелодическом движении вниз или вверх на каждом слоге, но не в крутизне деклинации или инклинации и не в диапазоне.

Имеются общие и отличные тенденции в реализации эвенкийских и ороchonских императивных конструкций. Самой яркой общей чертой является то, что каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление. Отличие, однако, состоит в том, что при реализации императивных конструкций в наших материалах ороchоны никогда не прибегали к инклинации. Общий мелодический контур эвенкийских конструкций более разнообразен по сравнению с ороchonскими, в которых присутствует только деклинация. Междикторская и внутридикторская вариантность у ороchонов проявляется в меньшей степени, чем у эвенков.

Раздел 4.4 включает общие выводы по четвертой главе.

Заключение

Исследование, основанное на эмпирических данных, полученных с помощью комплекса методов и методик акустического, артикуляционного, перцептивного и статистического анализа, позволило сделать выводы относительно неоднозначных, дискуссионных и в ряде случаев не изученных общих и частных вопросов функционирования языков эвенков РФ и орочонов КНР на территории Верхнего Приамурья.

Полученные результаты однозначно свидетельствуют о том, что лингвистические ситуации у эвенков РФ и орочонов КНР представляют собой «зеркальное» билингвальное пространство Верхнего Приамурья и широкую палитру звуковых изменений, произошедших с эвенкийским языком под влиянием русского и якутского, с ороchonским языком под влиянием солонского, дагурского, китайского, маньчжурского, монгольского. Проведенное исследование акустических коррелятов сегментных и супraseгментных единиц исчезающих тунгусских языков позволяет лучше понять процессы, приводящие данные языки к смене артикуляционного уклада, развитию признака мягкости согласных, исчезновению этнической шепелявости, модификациям интонационной системы и моделей ее реализации, а также к другим изменениям в звуковых системах изучаемых языков.

На территории российско-китайского приграничья проходит амурская изоглосса (изофона) северо-тунгусского языкового континуума – верхнеамурский водный и пограничный барьер, отделяющий зоны одних фонетических явлений от других. В плавильных котлах этих зон благодаря постоянным контактам с соседствующими языками происходила фонетическая дивергенция тунгусских языков коренного населения Верхнего Приамурья, которая на современном этапе выражается в следующих признаках.

1. Эвенкийский и ороchonский языки разошлись прежде всего в артикуляционном укладе, который в языке эвенков под влиянием русского языка стал дорсальным, а в языке орочонов при поддержке китайского, дагурского, монгольского, солонского остался апикальным (хотя и не без дорсальных реализаций).

2. Имеются объективные основания для того, чтобы считать тунгусские языки Верхнего Приамурья входящими в вокалическую группу языков мира. Это парадигматическое и синтагматическое преобладание вокалических звуков языков (гласные + сонорные согласные) над шумными согласными. По парадигматической частотности тунгусские языки более мелодичны, чем английский и особенно русский, однако они менее мелодичны, чем якутский.

3. В группах эвенкийских и ороchonских согласных между парадигматической и синтагматической частотностью наблюдается параллелизм: и для шумных, и для сонорных зафиксировано преобладание смычных над щелевыми и переднеязычных над согласными других локусов. Между парадигматической и синтагматической частотностью гласных параллелизм нарушается по признакам ряда и подъема: гласные центрального ряда, которых в системе меньше, обладают самой высокой объективной частотностью; в спонтанной речи открытые гласные проявляют ту же тенденцию. Параллелизм по признаку долготы отсутствует: хотя в системе кратких гласных на 1 фонему меньше, в обоих видах материала краткие значительно преобладают над долгими в целом по группе и в соответствующих парах фонем.

4. В работе продемонстрирована более закрытая и задняя артикуляция соответствующих эвенкийских гласных в сопоставлении с аналогичными ороchonскими. В свою очередь, ороchonские гласные артикулируются шире по раствору артикуляторных органов, чем аналогичные эвенкийские. Основным различием в области вокализма языков ороchonов и эвенков является фонетическое соответствие ороchonского /з:/ и эвенкийского /æ:/ в словах типа /sз:ksз/ 'кровь', что влечет включение языка ороchonов в «экающие» тунгусские наречия, а языка эвенков – в «акающие».

5. По результатам акустического анализа выявлены фонетические факты, позволяющие отнести центральный и юго-восточный / бирарченский диалекты ороchonского языка к сибилантным диалектам северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков, а диалект северо-восточных ороchonов (кумарченгов), как и говоры эвенков Амурской области, к сибилантно-спирантным. В экспериментальном материале обнаружены признаки шеканья в речи селемджинских эвенков (норцы), которые распространяются главным образом на позицию перед заднерядными гласными высокого подъема. В остальных случаях реализуется плоскощелевой аллофон фонемы /s/, что и создает общий эффект шепелявости. В речи других приамурских эвенков шеканья не обнаружено, но признаки плоскощелинности присутствуют. В ороchonском материале реализации в препозиции к переднерядным гласным носят преимущественно плоскощелевой характер, а в препозиции к заднерядным – круглощелевой у дикторов-женщин и плоскощелевой – у дикторов-мужчин. Шеканье встречается у ороchonов только в виде свободного варьирования. Свободное варьирование у ороchonов также предполагает звонкие реализации.

6. Зарегистрирована реализация аспирированных шумных смычных в ороchonском языке, которая отсутствовала у аналогичных эвенкийских согласных. Ороchonские пары губно-губных, переднеязычных и заднеязычных смычных согласных фонем /p^h/ – /p/, /t^h/ – /t/, /k^h/ – /k/ противопоставлены не по признаку глухости / звонкости, а по придыхательности /

непридыхательности, вероятно, при поддерживающем влиянии соответствующих пар инициалей доминирующего китайского языка. Данное противопоставление в языке селемджинских эвенков не фиксируется.

7. Эксперимент показал наличие контекстуальных дифтонгов в оронском вокализме. Анализируемого стечения гласных не фиксируется при тщательном артикулировании слов, где возможно выпадение интервокальных согласных /j/, /w/ и /g/ в центральном и северо-восточном /кумарченском диалектах оронского языка. Тем не менее аналогичное выпадение /j/, /w/ и /g/ в юго-восточном /бирарческом диалекте привело к стяжению оставшихся гласных в один долгий.

8. Проведенным экспериментально-фонетическим исследованием подтверждена сохранность фонологической долготы гласных в тунгусских языках Верхнего Приамурья. Сравнение средней длительности фонологически долгих и их кратких пар в эвенкийском и оронском языках показывает значительную разницу между долгими и соответствующими им краткими гласными.

9. Согласно полученным данным, эвенкийский язык (в селемджинском говоре) характеризуется смешанным типом сингармонизма. Во-первых, в эвенкийском языке имеется частичная лабиальная гармония, которая привязана к признаку фонологической долготы гласного: реализуется для краткой фонемы /o/, но не отмечена для ее долгой пары. Во-вторых, присутствует палатальная гармония, регулирующая не только дистрибуцию самих гласных фонем и аллофонов, но и твердых и мягких аллофонов предшествующих согласных в слове. В связи с этим еще раз подтверждена целесообразность транскрибирования канонического /z:/ знаком /æ:/, что для эвенкийской транскрипции восточного наречия в настоящее время не используется. В-третьих, фонемы нейтрального сингармонического ряда /i/ и /u/ обладают парами различных по качеству аллофонов, которые реализуются в мягкорядных и твердорядных словоформах соответственно. Кроме того, эти пары аллофонов [i – i̯] и [u – u̯] дополнительно различаются по степени продвинутой вперед / отодвинутой назад. Для фонемы /i/ зафиксированы также аллофоны узкой и широкой разновидности [i – i̯]. Аналогичная пара различающихся по подъему аллофонов [u – u̯] для фонемы /u/ утеряна. Феномен восточного аканья, ярко проявляющийся в селемджинском говоре, может как устранять нарушения гармонии гласных, характерные для литературного эвенкийского и всех западных говоров, в которых фонема /z:/ имеет аллофон [z:], так и нарушать ее.

10. В эвенкийском слове просодические различия слогов (акустические контрасты между ними) незначительны. Это определяет характерный размытый, нечеткий ритмический контур слова. Контраст ударных и безударных слогов слабо выражен, что обусловлено незначительной редукцией безударных гласных. Эффект фразовой выделенности распространя-

ется не только на слог слова, несущий на себе словесное ударение, но также на последний слог слова.

11. Проведенный акустический анализ показал, что поствокальный шум – это универсальное явление в изолированных словах в речи всех исследуемых дикторов-эвенков и орочонов. Положения его реализации и нереализации являются общими. Длительность шума демонстрирует признаки междикторской и внутрдикторской вариантности. Повышение интенсивности наблюдается только перед аффрикатой. Спектральная картина определенным образом зависит от комбинаторно-позиционных условий. Перед аффрикатой шум концентрируется в средне-высоких частотах, а в абсолютном исходе слова в конечной фазе гласного и сонорного и перед смычно-взрывным – преимущественно по всему спектру, реже – в ниже-средней его области. Концентрация поствокального шума только в средних частотах – чистый гортанный шум – очень редкий случай. Из этого следует, что поствокальный шум не может быть классифицирован во всех случаях как гортанный. По крайней мере, речь должна идти о наложении других видов шума, образующихся в ротовой полости, возможно, в зависимости от активного органа и места образования (при наличии) следующего согласного. Наличие поствокального шума, который, по результатам исследования, «зеркалит» шум следующего шумного согласного и практически всегда присутствует в конце слова, заканчивающегося на гласный и сонорный, может свидетельствовать в пользу фонетической закрытости эвенкийского слога.

12. Объективные параметры исследуемого материала свидетельствуют о том, что основной отличительной особенностью интонации в речи эвенков является наличие речитативных мелодических отрезков и небольших восходящих и нисходящих переходов между ними, в отличие от плавных кривых мелодики русского языка. Контрастные изменения уровня высоты основного тона в эвенкийской речи обуславливают ступенчатый характер мелодического рисунка в целом и реализуются в сравнительно небольшом мелодическом диапазоне. Это находит отражение в общей монотонной интонации утвердительных предложений эвенкийского языка.

13. Необходимо отметить, что деклинационное завершение (нисходящий интонационный контур) утвердительных предложений, выявленное в нашем исследовании на материале эвенкийского и ороchonского языков, является универсалией и характерно для всех языков мира. Нисходящее направление мелодики в анализируемом типе высказываний также свойственно для русской речи эвенков-билингвов. Средняя величина мелодического диапазона утвердительных предложений в эвенкийском языке составляет 8 полутонов, в ороchonском – 10 полутонов.

14. Интонационные контуры односитагменных, с одной стороны, общих и уточняющих, а с другой – специальных вопросов в речи эвенков

различаются. Для реализации вопросительности в общих эвенкийских вопросах существенно интонирование последнего слога. Зафиксированная на нем интонация полностью соответствует тенденции, выявленной для большинства языков. Интонационный характер просодического контура характерен также для уточняющих вопросов. Для вопросов в ороchonском языке типична обратная тенденция: в речи дикторов юго-восточного диалекта зарегистрирован только деклинационный контур вопроса.

15. На реализацию интонационного контура эвенкийских императивных конструкций влияют факторы количества слов в синтагме и количества слогов в однословной синтагме. Наличие двух и более слов в составе синтагмы определяет явный приоритет восходяще-нисходящего движения основного тона, в то время как при однословных конструкциях имеет место и простой нисходящий тон, и восходяще-нисходящее движение. Фактор количества слогов проявляет себя и в том, что в четырехсложных словах-синтагмах превалирует деклинация, а в двух- и трехсложных оба типа тона реализуются в почти равном количестве. Однако очень вероятно, что более важную роль здесь играет порядок следования синтагм во фразе: конечные синтагмы императивных конструкций (в нашем материале – четырехсложные однословные) предполагают только деклинацию. Наконец, некоторую роль в анализируемых конструкциях играет порядок слов: расположение глагола-сказуемого в середине обуславливает самостоятельные интонации на первых двух слогах и деклинацию на последнем. В целом в подавляющем большинстве случаев каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление.

16. Зафиксирована заметная междикторская вариантность по уровню и диапазону изменения основного тона и в некоторых случаях – по предпочтению того или иного мелодического контура. Внутрдикторская вариантность проявляется, прежде всего, в характере контура (деклинация, восходяще-нисходящий или ровный тон) и особенно в реализации ступенями или в мелодическом движении вниз или вверх на каждом слоге, но не в крутизне деклинации или интонации и не в диапазоне.

17. Наблюдаются общие и отличные тенденции в реализации эвенкийских и ороchonских императивных конструкций. Самой яркой общей чертой является то, что каждый слог получает самостоятельное мелодическое оформление. Различие состоит в том, что на нашем материале ороchоны не прибегают к интонации. Общий мелодический контур эвенкийских конструкций более разнообразен по сравнению с ороchonскими, в которых присутствует только деклинация. Междикторская и внутрдикторская вариантность у ороchонов проявляется на нашем материале в меньшей степени, чем у эвенков.

Таким образом, в настоящем исследовании зарегистрированы новые факты о современном состоянии фонетического строя эвенкийского

и ороchonского языков, а также зафиксированы существенные интерференционные изменения в речи их носителей, что приводит нас к выводам о прошлых и нынешних интенсивных контактах эвенкийско-русского общества с одной стороны и ороchonско-китайского – с другой. Несмотря на непрерывный процесс языковых изменений, языки лучше всего сохраняют то, что является в их структуре наиболее фундаментальным. Проанализированная речь информантов не демонстрирует полного уподобления фонологических систем исчезающих языков доминирующим. Жизнеспособными точками звуковых систем являются сегменты, которые кардинально отличают один язык от другого, в нашем случае – исчезающий от доминирующего. На сегментном уровне это фонемы, не имеющие аналога в доминирующих языках. На просодическом уровне сохраняются прежде всего корреляты ударности в слове и фразе, направление движения тона в вопросно-ответных структурах.

Перспектива проведенного исследования видится в следующем. Во-первых, требуется широкомасштабное исследование современного состояния акцентно-ритмической и интонационной систем ороchonского языка с целью поиска трансформационных процессов на уровне просодии в условиях китайско-орочонского билингвизма. Во-вторых, необходимо составить описание условий и механизма интонационной интерференции в русской речи эвенков в аспекте взаимодействия интонационных моделей русского и эвенкийского языков. В-третьих, следует тщательно спланировать дополнительные фонетические эксперименты для исследования сочетаний ороchonских гласных с целью решения дискуссионного вопроса о статусе ороchonских контекстуальных дифтонгов. В-четвертых, надлежит провести более глубокое изучение гармонии гласных в имеющихся диалектах ороchonского языка. Наконец, следует обратиться к данным по другим тунгусо-маньчжурским, монгольским, тюркским языкам для сопоставления с результатами, полученными в ходе настоящего исследования.

Рекомендации об использовании результатов диссертационного исследования. Выводы и результаты диссертационного исследования могут быть использованы: 1) при разработке методик обучения эвенкийскому и ороchonскому языкам по восприятию естественной речи на материале тунгусских говоров Верхнего Приамурья; 2) при постановке корректного произношения и при обучении говорению на данных говорах эвенкийского и ороchonского языков; 3) в курсах общей фонетики и фонетики тунгусо-маньчжурских языков, типологии, лингвогеографии. Результаты проведенного исследования окажутся также полезными для разработчиков лингвистических корпусов и баз данных по исчезающим языкам мира.

Список основных публикаций по теме диссертации

Монографии

1. Процукович Е. А., Морозова О. Н. Русская речь эвенков Амурской области (сопоставительное исследование на материале звуковых систем русского и эвенкийского языков). Благовещенск : Изд-во Амур. гос. ун-та, 2017. 231 с. (доля автора 3,37 п.л.).
2. Звучащая речь эвенков Приамурья : данные корпусного исследования / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Т. В. Кравец, Е. А. Процукович, Ю. П. Иванашко, О. Б. Карачева / Благовещенск : Платина, 2018. 223 с. (доля автора 8,9 п.л.).

Статьи в журналах из перечня, утвержденного ВАК

3. Морозова О. Н. Особенности восприятия гласных селемджинского говора эвенкийского языка // Вестник Челябинского гос. ун-та. Филология. Искусствоведение. Вып. 83. № 29. 2013. С. 95–100 (0,69 п.л.).
4. Морозова О. Н., Процукович Е. А. Фонетическая интерференция в русской речи эвенков Приамурья // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2014. № 16. С. 82–88 (доля автора 0,2 п.л.).
5. Морозова О. Н. О вариативности фонемы /р/ в говорах эвенкийского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 4–1 (46). С. 120–123 (0,39 п.л.).
6. Морозова О. Н., Процукович Е. А. Особенности реализации согласных в интерферированной речи (на материале русской речи селемджинских эвенков) // Известия Алтайского гос. ун-та. 2015. № 3/1 (87). С. 124–128 (доля автора 0,23 п.л.).
7. Морозова О. Н. Эвенкийская устная спонтанная речь на занятиях по аудированию родного языка для невладеющих // Казанская наука. 2017. № 2. С. 53–55 (0,25 п.л.).
8. Морозова О. Н., Процукович Е. А. Качественные и количественные характеристики эпентезы в русской речи селемджинских эвенков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73) : в 3 х ч. Ч. 3. С. 148–151 (доля автора 0,11 п.л.).
9. Морозова О. Н., Андросова С. В. Мягкие согласные в эвенкийском языке // Казанская наука. 2018. № 3. С. 154–160 (доля автора 0,23 п.л.).
10. Андросова С. В., Андросова Д. Е., Морозова О. Н. Поствокальный шум в эвенкийском языке // Казанская наука. 2018. № 4. С. 91–96 (доля автора 0,1 п.л.).

11. Морозова О. Н., Андросова С. В., Колесников С. В. Длительность гласных в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 1. С. 88–100 (доля автора 0,5 п.л.).

12. Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А. Просодическое оформление побудительных предложений в эвенкийском и ороchonском языках (основной тон) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 2. С. 100–114 (доля автора 0,6 п.л.).

13. Морозова О. Н., Андросова С. В., Булатова Н. Я. Частотные характеристики фонем эвенкийского языка: данные пилотного эксперимента // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 3. С. 117–126 (доля автора 0,3 п.л.).

14. Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А. Интонация вопросов в речи амурских эвенков: основной тон // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5, № 4. С. 84–96 (доля автора 0,3 п.л.).

15. Морозова О. Н., Булатова Н. Я., Андросова С. В. Реализация переднеязычного щелевого /s/ в эвенкийском и ороchonском языках // Acta Linguistica Petropolitana. 2020. Т. XVI. Ч. 2. С. 582–607 (доля автора 0,41 п.л.).

16. Сопоставительные характеристики категорий залога и вида глагола в ороchonском и эвенкийском языках / Ю. Хань, Ш. Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 136–145 (доля автора 0,1 п.л.).

17. Сопоставительные характеристики категории наклонения глагола в ороchonском и эвенкийском языках / Юфэн Хань, Шусянь Мэн, О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Вып. 7, № 2. С. 71–79 (доля автора 0,1 п.л.).

Из них в изданиях, входящих
в Международные базы данных WoS и/или Scopus

18. Морозова О. Н., Андросова С. В., Гибалин В. С. Есть ли дифтонги в ороchonском языке? // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (31). С. 247–256 (доля автора 0,46 п.л.).

19. Морозова О. Н. Вероятностно-дистрибуционные характеристики гласных фонем в языке ороchonов КНР : сопоставительный аспект // Сибирский филологический журнал. 2021. № 2. С. 161–176 (0,84 п.л.).

Авторские свидетельства,
приравненные к публикациям в журналах ВАК

20. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2015619370. Программа по обучению лексике селемджинского говора эвенкийского языка / О. Н. Морозова, В. А. Долгов, Г. А. Стручков, И. А. Мельников. Дата гос. регистрации в Реестре программ для ЭВМ 01.09.2015. Федеральная служба по интеллектуальной собственности.

Статьи в других изданиях

21. Morozova O. N. Acoustic correlates of Selemdzha Evenki vowels // *Current Trends in Altaic Linguistics: A Festschrift for Professor Emeritus Seong Baeg-in on his 80th Birthday*. The Altaic Society of Korea. Seoul National University, Korea. 2013. P. 125–132 (0,46 п.л.).

22. Морозова О. Н. Артикуляторно-акустические характеристики переднеязычного глухого смычного /t/ в эвенкийском языке // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2015. Вып. 1, № 1. С. 74–85 (0,22 п.л.).

23. Морозова О. Н., Андросова С. В. Интонационные модели эвенкийского языка // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2015. Вып. 1, № 2. С. 55–70 (доля автора 0,3 п.л.).

24. Морозова О. Н., Кравец Т. В. Фонетический портрет селемджинских эвенков // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2017. № 2. Вып. 33. С. 52–66 (доля автора 1,39 п.л.).

25. Морозова О. Н., Процукович Е. А. Особенности эвенкийского акцента в русской речи (на материале русской речи селемджинских эвенков) // *Языки и фольклор коренных народов Сибири*. 2017. Вып. 33, № 2. С. 67–76 (доля автора 0,2 п.л.).

26. Морозова О. Н. Заднеязычный глухой смычный /k/ в селемджинском говоре эвенкийского языка // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2017. Вып. 3, № 3. С. 44–62 (0,97 п.л.).

27. Гласные реализации на месте канонической долгой фонемы /з:/ в селемджинском говоре эвенкийского языка и их фонологический статус / О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Т. В. Кравец, Е. А. Процукович // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. Благовещенск, 2017. Вып. 3, № 3. С. 63–73 (доля автора 0,2 п.л.).

28. Морозова О. Н., Андросова С. В., Процукович Е. А. Особенности реализации /г/ в эвенкийском и ороchonском языках // *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2017. Вып. 3, № 4. С. 66–79 (доля автора 0,3 п.л.).

29. Явление сингармонизма в восточном наречии эвенкийского языка / Т. В. Кравец, Н. Я. Булатова, О. Н. Морозова, С. В. Андросова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 4. С. 45–65 (доля автора 0,4 п.л.).

30. Социолингвистическая ситуация в с. Усть-Нюкжа Тындинского района Амурской области / Ю. П. Иванашко, О. Н. Морозова; Н. Я. Булатова; Л. Н. Максимова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017, Вып. 3, № 4. С. 13–33 (доля автора 0,3 п.л.).

31. Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области / Е. А. Процукович, О. Н. Морозова, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, О. Н. Черноградская // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 3. С. 74–85 (доля автора 0,1 п.л.).

32. Социолингвистическая ситуация в селе Бомнак Зейского района Амурской области / Е. А. Процукович, Т. В. Кравец, О. Н. Морозова, Н. Я. Булатова, А. В. Лиханова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3, № 4. С. 80–93 (доля автора 0,23 п.л.).

33. Артикуляционное описание гласных и согласных звуков ороchonского языка (по результатам МРТ) / Ю. П. Иванашко, О. Н. Морозова, С. В. Андросова, А. В. Ильин // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 36–58 (доля автора 0,2 п.л.).

34. Карачева О. Б., Морозова О. Н. Интонация утвердительного предложения в русском и эвенкийском языках // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 3. С. 39–58 (доля автора 0,23 п.л.).

35. Социолингвистическая экспедиция в село Усть-Уркима Амурской области / Т. В. Кравец, Е. А. Процукович, О. Н. Морозова, Л. Н. Максимова // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 78–90 (доля автора 0,35 п.л.).

36. Морозова О. Н. К вопросу о ритме в эвенкийском языке // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 101–114 (0,87 п.л.).

37. Морозова О. Н., Андросова С. В., Кравец Т. В. Стандарт для транскрибирования звучащей речи восточных эвенков (на материале речевого корпуса эвенкийского языка) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 1. С. 32–48 (доля автора 0,3 п.л.).

38. Процукович Е. А., Морозова О. Н. Мелодический контур для рамочных конструкций // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Вып. 4, № 4. С. 115–126 (доля автора 0,26 п.л.).

39. Гибалин В. С., Морозова О. Н., Процукович Е. А. Тематический русско-орочонский словарь // Ороchonский язык : материалы корпусного исследования. Благовещенск : ИПК ОДЕОН, 2018. С. 62–103 (доля автора 0,38 п.л.).

40. Морозова О. Н., Гибалин В. С. Орочоны Китая. Основные сведения /Орочонский язык : материалы корпусного исследования. Благовещенск : ИПК ОДЕОН, 2018. С. 4–10 (доля автора 0,2 п.л.).

41. Морозова О. Н., Булатова Н. Я. Орочоны Китая: особенности звучащей речи // Орочонский язык : материалы корпусного исследования. Благовещенск : ИПК ОДЕОН, 2018. С. 18–34 (доля автора 0,8 п.л.).

Работы, опубликованные в материалах
региональных, всероссийских и международных конференций

42. Morozova O. N. Duration of Evenki Vowels (on experimental data) // Proc. of the 10th Seoul International Altaistic Conference. Sunchon National University, Korea. 2011. P. 99–104 (0,35 п.л.).

43. Morozova O. N. Acoustic and Perceptual Features of Selemdzha Evenki Consonants // Proc. of the 11th Seoul International Altaistic Conference Seoul National University, Korea. 2013. P. 233–247 (0,85 п.л.).

44. Морозова О. Н. Уровень владения эвенкийским языком в Зейском, Селемджинском и Мазановском районах Амурской области // Обучение иностранному языку студентов высших и средних общеобразовательных учреждений на современном этапе: материалы Всероссийской науч.-метод. видеоконф. 17 января 2014 г. Благовещенск, Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. С. 207–214 (0,27 п.л.).

45. Морозова О. Н. Об одном экспедиционном исследовании селемджинского говора эвенкийского языка / Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков: материалы XI регионального науч.-иссл. семинара, посв. памяти проф. Л. В. Бондарко. Благовещенск, Изд-во Амур. гос. ун-та, 2014. С. 97–105 (0,43 п.л.).

46. Morozova O. N. Consonants and vowels in the Evenki and Orochen languages // Phonetics without borders (= Фонетика без границ). Proc. of the 3d International Conference, 13–14 June 2017, Blagoveschensk. P. 39–49 (0,25 п.л.).

47. Morozova O. N. Comparative Characteristics of Vowels and Consonants in the Selemdzha Evenki and Heilongjiang Orochen languages (Acoustic Analysis) // Proc. of the 15th Seoul International Altaistic Conference. Seoul National University, Korea. 2017. P. 497–503 (0,23 п.л.).

48. Морозова О. Н., Андросова С. В., Артемчук М. В. Разработка корпуса звучащей эвенкийской речи // Анализ разговорной русской речи : тр. седьмого междисц. семинара. СПб. : СПбГУ, 2017. С. 72–77 (доля автора 0,1 п.л.).

49. Андросова С. В., Андросов Е. Ю., Морозова О. Н. Автоматический транскриптор для эвенкийского языка: сложности и решения // Социальные взаимодействия, языки и ландшафты в Сибири и Китае (эвенки,

эвены, ороконы и другие группы) : тр. Третьей межд. междисц. тунгусской конф. Благовещенск : ИПК Одеон, 2019. С. 21–27 (доля автора 0,12 п.л.).

50. Булатова Н. Я., Морозова О. Н. К проблеме классификации тунгусских идиомов северо-востока Китая // Вторая конф. по уральским, алтайским и палеоазиатским языкам : тезисы докладов. СПб : ИЛИ РАН. 2020. С. 18–20 (доля автора 0,07 п.л.).

51. Морозова О. Н., Крапивин М. В., Зиненко Я. В. Системная и объективная частотность долгих и кратких гласных в эвенкийском языке // Народы и культуры Северной Азии в контексте научного наследия Г. М. Василевич: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Якутск: ИГиИ-ПМНС СО РАН, 2020. С. 203–208 (доля автора 0,3 п.л.).

Словари

52. Булатова Н. Я., Морозова О. Н., Стручков Г. А. Звуковой эвенкийско-русско-английский тематический словарь. Звуковой русско-эвенкийско-английский тематический словарь : на материале селемджинского говора эвенкийского языка / Отв. ред. О. Н. Морозова. Благовещенск : ИПК ОДЕОН. 2017. 184 с. (доля автора 6,93 п.л.).

53. Морозова О. Н., Булатова Н. Я., Долгов В. А., Мельников И. А., Стручков Г. А. Детский иллюстрированный эвенкийско-орочонский словарь / Отв. ред. О. Н. Морозова. Благовещенск : ИПК ОДЕОН. 2017. 53 с. (доля автора 0,69 п.л.).

Список сокращений и условных обозначений

Гц – герц

ороч. – ороchonский

эвенк. – эвенкийский

BNYa-f, HShL-m, SGA-m, STN-f, YaSS-f – закодированные инициалы дикторов, где символы до дефиса означают фамилию, имя и отчество, символ после дефиса – пол диктора (f – женский, m – мужской)

C – согласный (= Consonant)

F – форманта (= Formant)

V – гласный (= Vowel)

vs – против (= Versus)